

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 40 (891) Воскресенье, 21 июля 1940 г. Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ, Воспитание силы и мужества. В. КОПЫТИН. 80-летие Нурпеиса Байганина. ИЗБРАННИКИ НАРОДА. Писатели Литвы, Латвии и Эстонии — депутаты Народного сейма и Государственной думы. ЗА НЕДЕЛЮ, Литературная радиогазета в Львове. Грамоты писателям. Новые редколлегии ленинградских журналов. Дом творчества. Вопросы узбекской критики. ИНФОРМАЦИЯ.

2 стр. Л. ТООМ. Голос большого поэта. Франц ЛЭШНИЦЕР. Две книги стихов. М. САПНР. Свифт, вновь открытый. Иоганнес БАРБАРУС. Ночь (стихи). Людас ГИРА. Страна моя (стихи).

3 стр. С. ГЕХТ. Содержательная книга. В. КИРПО-ТИН. Поэтические особенности «Джангара». А. РОСКИН. Невдуманные рассказы.

4 стр. З. ШАРКИ. Песни степей. С. БОНДАРНИН. Минная характеристика. Ярослав СМЕЛЯКОВ. Новый поэт. Петр СКОСЫРЕВ. Печальная фантастика.

5 стр. В. ЗАЛЕССКИЙ. Пафос Шиллера. А. БАС-СЕХЕС. К спорам о живописности. А. ГУРШТЕЙН. Гулливер среди лягушат.

6 стр. В. ФОМЕНКО. Три чистильщика и три носильщика. И. ПЛОТКИН. Новая роспись плафона Большого театра. Е. ПЕЛЬСОН. «Да здравствует творчество!» А. ПАЛЕН. Ученые писатели в марксистско-ленинском университете. ИНФОРМАЦИЯ.

ВОСПИТАНИЕ СИЛЫ И МУЖЕСТВА

Голос физкультурника — первый голос нашего утра. Этот веселый радиопетух, этот дружеский далекий будильник поднимает нас с постели, поздравляет нас с добрым утром, предлагает открыть настежь окна и глубоко вдохнуть свежий воздух лачинающегося дня. И во всей стране люди, послушные этому голосу, вскакивают с постелей, распахивают окна и одновременно в Ленинграде, в Москве, Саратове, в Харькове, Минске, Ташкенте и Архангельске тысячи людей делают первый вдох и размеренными движениями приводят свое тело в трудную готовность, сообщают бодрое и спокойное течение освещенным своим мыслям.

Для сотен тысяч людей утренняя гимнастика, элементарная физкультурная стала такой же будничной необходимостью, как утреннее умывание, чистка зубов, завтрак. Это десятков-полтора минут, проведенных в ритмическом движении, каждое из которых подчинено строгому смыслу и заданию, этот маленький церемониал в честь собственного здоровья устанавливает для человека порядок в работе и в мыслях на целый день. У истоков физкультурника утро не бывает безалаберным, суматошным, сбивающим лень с рельсов в первые же его часы... И в стране, которая еще недавно занимала одно из последних мест в мире на спортивной таблице, сегодня сотни тысяч людей уже привыкли считать занятие физкультурой простейшей необходимостью. В нашей стране выстроены сотни прекраснейших стадионов. И они не в состоянии вместить всех желающих заниматься спортом, укрепить свои силы, развить их и подчинить воле воистину великой. Эта огромная массовая тяга к физической культуре, к спорту возникает у нас из общего стремления народа к культурной жизни и из органически воспринятого каждым ощущением новых, широчайших возможностей, открывшихся перед человеком при социализме, из этого творческого отклика на своему труду, к своей жизни.

Тяга к самосовершенствованию, стремление сделать свою жизнь более емкой, полноценной, желание подготовить себя ко всем трудностям и испытаниям, которые могут встретиться на нашей большой исторической дороге, — вот что побуждает советских людей овладеть физической культурой.

В короткое время СССР стал одной из передовых стран в области спорта. В таблице мировых рекордов наши атлеты занимают много почетных мест. Всесоюзный день физкультурника превратился у нас в праздник полнокровия, во всенародные именины молодости, молодости умной, смелой, полной сил и дерзаний, молодости мужавшей, готовившей себя к любому труду, к любому бою за дело Ленина—Сталина, за коммунизм.

В жизни советской молодежи физкультура и спорт занимают очень большое место. Живая, романтическая основа спорта, увлекательная возможность проявления своих сил, жизнелюбивая жажда победы, ощущение физической радости жизни, чувство командной дружбы — все это является чудесным источником силы и счастья, и, готовя себя к большой работе, закаляет себя для того, чтобы быть готовым оборонять землю и жизнь революции, советские юноши и девушки слают физкультурные нормы, добиваясь почетного права носить на груди значок ГТО, быть готовыми к труду и обороне.

Страна, правительство, партия внимательно следят за тем, как растут и воспитываются советские физкультурники, как зреет и воспитывается молодая сила нашего народа. Человек должен мечтать о силе, это естественная и кровная мечта каждого. Но нам нужны не толстомясые ушкатыники, не знающие, куда деть свою силу. Советская физкультура воспитывает умных смельчак, она воспитывает силу, бережно управляемую твердой волей, силу, подчиненную лучшим человеческим стремлениям. Не глухая, животная, биологическая сила, не гипертрофированные мышцы, а сила, завоевавшая разум, преданная ему!

Да, нам нужны и чемпионы-рекордсмены и выдающиеся достижения отдельных мастеров спорта. Рекорд — это показате-

тель того, какой ловкости, какой силы и смелости может достичь человек, в совершенстве владеющий своим телом. Рекорд — это образец, порождающий жажду подобного совершенства у многих. И у нас уважают выдающихся советских рекордсменов, в народе очень популярна имена крупнейших мастеров спорта, хотя они у нас и не окружены тем психологическим преклонением, той визгливой рекламой, которые так типичны для буржуазного спортивного культа. Наши спортивные общества и клубы внимательно растут и воспитывают своих мастеров и чемпионов. Правда, иногда, несколько увлекаясь достижениями выдающихся спортсменов, организации забывают о самом важном — о массовом физкультурном движении, растут мастера в тепличной обстановке. И случается порой, что человек, великолепно бегающий по шлаковой дорожке стадиона, оказывается беспомощным в суровой обстановке похода. А в жизни, как известно, встречается местность, большею частью сильно пересеченная, и не всегда приходится ходить по гладким дорожкам, усыпанным мягким шлаком.

Верная физкультурная зарядка, выносливость истога, а не показаного, не парадного спортсмена, сослужила добрую службу многим нашим героям и в Арктике, и у Халхин-гола, и на Карельском перешейке. Известно, как смело, с каким превосходным умением приспособиться к труднейшим условиям действовали в Финляндии наши бойцы-доблестцы. И в день солнечного праздника советских физкультурников отмечаются не только рекорды, поставленные чемпионом, но и только голы, забитые на стадионах, но и прекрасные примеры применения воспитанной и закаленной человеческой силы в труде и в боях за родину.

Странно, что литература наша до сих пор обходит стороной эту превосходную и благодарную тему. У нас почти нет книг, поэм, пьес о спорте, о жизни стадионов и спортивных клубов, о молодых людях, сумевших расковать в увлекательных занятиях спортом неисчерпаемый источник физических, душевных, волевых качеств человека. За рубежом существует огромная, специально спортивная беллетристика. В подавляющем большинстве своем это легкие, бульварное чтиво, герои которого рассматривают спорт лишь как средство для самовозвеличения, как повод для ускорения карьеры и создания обеспеченной жизни, удачной любви. Но о спорте писали и Джек Лондон, и Бернард Шоу, и Ринг Ларднер. В своих талантливых произведениях, посвященных теме спорта, они показали нам грубое, продажное, насквозь липкое нутро мира буржуазных чемпионов. Советская литература могла бы показать мир наших физкультурников, мир солнечный, полный дружбы и страсти, где живет дух товарищеского соревнования, где люди, цели и характеры гораздо сложнее, чем это представляли себе некоторые из наших писателей, выводящих в виде проходных эпитетических фигур своих малоправдоподобных представителей советского спорта. Нетаром наши физкультурники с обилием отзывались об этих произведениях.

Тему спорта некоторые критики, литераторы продолжают считать низкой, недостойной большой литературы. Не видя того принципиально нового содержания, в которое у нас вкладывается понятие физической культуры, некоторые писатели готовы надменно отвернуться от благодарнейшего, так волнующего нашу молодежь материала спортивной жизни. В последние годы у нас уже появились первые книги о советских физкультурниках, вполне достойные того, чтобы их отменила наша критика. Вышел роман Каспия о советских футболистах. Вышла небольшая, но увлекательная и с хорошим знанием темы написанная книга Рахтанова о крупнейших мастерах советского спорта.

Молодой читатель с благодарностью встретит в книге, пьесе, кинофильме образ благородного советского физкультурника, спортсмена, всегда столь привлекающего читательское воображение, образ молодого советского человека, настойчиво воспитывающего свою волю, свою силу.

Фотокомпозиция художника Ал. Мищенко.

Издание пьес в 1941 году

Пьесы составляют около 30 процентов всей книжной продукции, выпускаемой издательством «Искусство». Первые наметки плана драматургических изданий на 1941 год обсуждались на-днях в секретариате всевозможной комиссии по драматургии, театру и кино при Президиуме ССР. По сообщению главного редактора издательства «Искусство» тов. Гершензона, в будущем году предполагается выпустить около 120 типографских изданий пьес и 100 стелографических. Тираж изданий, до сравнения с текущим годом, будет значительно увеличен — вместо двух тысяч он составит в среднем четыре—пять тысяч экземпляров.

Основной продукцией изданий будущего года являются современные пьесы советских драматургов, которые будут выданы в виде всевозможных конкурсов на лучшую пьесу. В 1941 году выйдут сборники пьес классиков и советских драматургов почти всех национальных республик Союза.

Существенным недостатком изданий текущего года является то, что в нем не учитываются нужды театра, почти отсутствуют крупные теоретические работы по теории театра и драмы, нет пьес современных западных драматургов. И в новом плане раздел западной драматургии, как современной, так и классической, составлен непродуманно, не учтен громадный спрос театров на высокохудожественную романтическую пьесу.

На совещании подверглось критике внешнее оформление выпускаемых пьес — серые, неприятные обложки, плохая печать, ошибки.

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИ

В Ашхабаде закончилась республиканские 10-дневные курсы-конференция молодых шахинов и писателей. Курсы были проведены в здании: Марс — Ленин — Сталин о литературе, по истории Туркмени и туркменской литературы, о путях развития туркменской поэзии и т. д.

Были также организованы читка и обсуждение произведений курсантов. Слушатели курсов побывали в Музее революции, Музее изобразительных искусств, Полиграфкомбинате, в театрах города. Было устроено несколько вечеров-встреч с выдающимися деятелями общественности, науки и искусства республики.

Избранники народа

Писатели Литвы, Латвии и Эстонии — депутаты Народного сейма и Государственной думы

В переустройстве общественной жизни Литвы, Латвии и Эстонии активное участие принимают писатели этих стран. Многие из них были выдвинуты кандидатами литовского, латышского и эстонского народов в новые демократические правительства и являются теперь депутатами сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии.

Вице-премьер литовского правительства, профессор Винцас Криве Мицевичус, считал себя популярнейшим среди широких кругов трудовой интеллигенции, еще будущим председателем союза литовских писателей и председателем общества по изучению культуры народов СССР. Его произведения, изданные в 10 томах, занимают выдающееся место в современной литовской литературе и переведены на многие иностранные языки.

Известный поэт и публицист Антанас Венцлова, являющийся сейчас министром просвещения Литвы, занимается литературной деятельностью свыше 15 лет. Его перу принадлежат переводы на литовский язык произведений Пушкина, Горького, Липпенса и Мюссе. За последние годы изданы сборники его рассказов «Ночь» и стихов — «Дружба».

В новое демократическое правительство Литвы избран талантливый писатель Петрас Циркас, автор переведенного на русский язык романа из крестьянской жизни «Земля-кормилица», разоблачающего смехотворный режим, и крупного сатирического романа «Фриск Крук». Первый сборник произведений Петраса Циркаса вышел еще в 1928 году и был тут же конфискован. Это были антирелигиозные рассказы «Первые причастия». Петрас Циркас является автором сборников повел «Завет солнца в Никосе волости» и «Поселенные истории», за который он получил литературную премию.

Депутатом литовского народного сейма является также писатель Людас Доменас — автор крупного романа «Братья Домейкос», сборника рассказов «Карточный домик» и популярных детских книг «Вашний сад» и «Собака при колокольне».

Крупнейший современный писатель Литвы, поэт старшего поколения Людас Гира является сейчас генеральным секретарем министерства просвещения. Сборник его стихов «Избранная лирика» с разделами «Литва под гнетом царским», «Песня о

борьбе с поляками», «Гражданские стихи», «Поэзия и жизнь», «Стихи о литовской деревне», «Народные песни», «Стихи о любви», «Заветы и думы», составленный автором, подготовлен сеймас для советского издания.

Глава нового эстонского правительства, премьер-министр Иоганнес Варес (Барбарус) — популярнейший поэт Эстонии. Литературной деятельностью он начал заниматься с 1910 г. Его стихи изданы в 11 сборниках: «Мир открыт», «Через пороги», «Геометрический человек» и др.

Звание магистра литературы и истории имеет видный эстонский поэт и писатель Иоганнес Сампер, в прошлом министр просвещения Эстонии. В июле 1940 года вышел сборник его новых стихов «Назем па камени». И. Сампер является редактором литературно-художественного журнала «Лoomинг» («Творчество»).

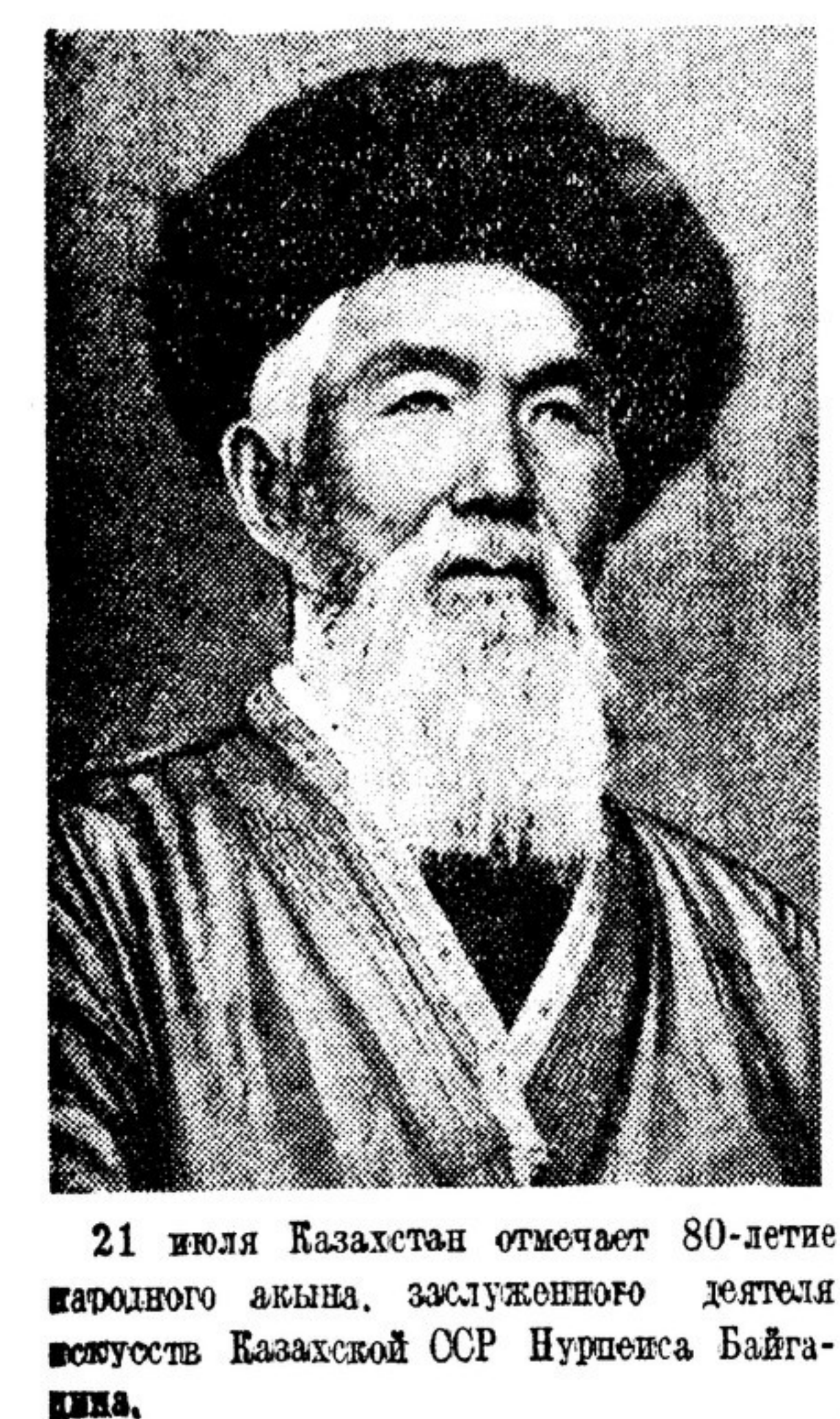
Депутатом Государственной думы Эстонии избран также писатель П. Руммо — заведующий отделом высшего образования взрослых и молодежи в новом министерстве просвещения.

В списке депутатов нового демократического правительства Латвии — писатель Вилис Лацис, министр внутренних дел, пользующийся большой популярностью в народе. Автор многочисленных романов, пьес и статей, он известен своими произведениями и в других европейских странах. Среди крупных романов В. Лациса — «Сын рыбака», в котором он описывает среду, где рос и воспитывался. Но сюжетом этого романа поставлен первый латвийский кинофильм.

Депутатом народного сейма Латвии является также известный писатель и журналист Юлиус Лацис, занимающий сейчас пост министра социального обеспечения и исполняющий обязанности министра просвещения. Ю. Лацис — автор романов, повестей и стихов (сборник стихов «В солнечной земле»). Среди крупных произведений Ю. Лациса известен роман «Призраки ледяного леса» — из жизни латвийской эмиграции. Автор сотрудничал в печати и является редактором журнала «Атута» («Огонь»).

Среди избранников латвийского народа — писатель Андрей Уплинис, один из лучших представителей реалистического жанра в латвийской литературе. Из его произведений наиболее известен роман-трилогия «Робинзонка», драма «Мурабо».

80-летие Нурпеиса Байганина

Нурпеис Байганин является популярным певцом-импровизатором казахского народа. Он помнит наизусть до 60 легенд, песен и сказов из народного устного творчества.

Нурпеис народно-устных замыслов. Недавно им сочинена песня «О большевистской весне». Сейчас певец работает над поэмами «Комиссар Пожарский» и «Казахстан». В первой будет отражена героическая смерть пламенного патриота родины комиссара Пожарского в бою с японскими самураями на берегах озера Хасан, во второй — героическое прошлое и настоящее казахского народа.

Несмотря на свои 80 лет, Нурпеис бодр, здоров и весел. На этих днях он побывал в Караганде, на юбилее одного из старейших акынов Казахстана, заслуженного деятеля искусств КазССР Досека Алимбаева. Там сложил новую песню об угольной Караганде, о ее неисчерпаемых богатствах. Он привезет старого Досека и других присутствующих на юбилей акынов и писателей петь о великом человеке, воле и учителе Сталине, о своем героическом народе и своей прекрасной родине.

В. КОПЫТИН

21 июля Казахстан отмечает 80-летие народного акына, заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Нурпеиса Байганина.

За неделю

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАДИОГАЗЕТА В ЛЬВОВЕ

Львов. (От наш. корр.). Оргкомитет писателей Львова и Львовский радиокомитет организовали периодическую литературную радиогазету, первый номер которой на-днях был передан в эфир.

Откопался он короткой передовой о задачах, стоящих перед львовской литературной радиогазетой. Затем украинские поэты П. Карманский и Ол. Гаврилюк и польская поэтесса Э. Шепулинская прочли свои новые стихи. С новеллой и художественным очерком выступили прозаики В. Плячук и Ир. Галан. Большое место в первом номере было отведено хронике литературы и искусства. Кроме того, во время передачи газеты были впервые исполнены произведения львовских композиторов Барвинского и Солтыса.

Редактирует львовскую литературную радиогазету Петро Панч.

ГРАМОТЫ ПИСАТЕЛЯМ

ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). Широко отметили чувашские писатели и поэты двадцатилетие Чувашии. К юбилею вышла две большие антологии чувашской советской литературы: антология прозы и антология поэзии. На сцене чувашского академического театра шли юбилейные спектакли — «Айдар» П. Осипова и опера «Нарспи» по поэме К. Иванова. В столице республики — Чебоксарах состоялась республиканская олимпиада художественной самодеятельности.

Верховный Совет Чувашской АССР отметил заслуги ряда писателей и поэтов. Звание народного поэта Чувашской АССР присвоено Семену Эльгери, драматургу П. Осипову присвоено звание заслуженного деятеля искусств Чувашии. Поэты и писатели Иван Мучи, Иван Пылик и Уйи Мишин награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР.

НОВЫЕ РЕДКОЛЛЕГИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЖУРНАЛОВ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Утверждены новые редколлегии ленинградских журналов — органов союза советских писателей — в редакционную коллегия «Звезды» вошли И. Груздев (отв. редактор), В. Каверин, П. Ванитя, Б. Лавренев, П. Леоновичский, М. Слонимский и Н. Тихонов; в редколлегия «Литературного современника» — Ю. Герман, А. Гитович, Ф. Князев (отв. редактор), В. Мейлах и Л. Рязанов. Под новой редакцией журналы начнут выходить с июля.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

ВОРОНЕЖ. (От наш. корр.). Президиум Верховного Совета РСФСР передал воронежскому отделению ССР бывшее здание писателя А. И. Эргеля для организации там Дома творчества. Помимо этого, расположенное за станцией Графской, неподалеку от государственного оброчного заводчика, представляет собой тихий, живописный уголок со старым помещицким домом, вековым парком и большим альбомным садом. В доме сохранилась библиотека писателя.

ВОПРОСЫ УЗБЕКСКОЙ КРИТИКИ

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Вышедшая недавно в Ташкенте книга «Узбекская литература за 15 лет» привлекла внимание всей общественности Узбекистана. Написанная коллективом литературоведов и критиков — Т. Шарафутдиновым, С. Хусановым, Ю. Султановым, Ш. Сулеймановым, Х. Якубовым, эта книга является историческим очерком узбекской литературы от глубокого средневековья до наших дней и дает анализ литературных явлений последнего времени.

Обсуждению этой книги было посвящено специальное совещание узбекских писателей.

Совещание вылилось в обсуждение вопросов узбекской критики. Докладчик тов. П. Султанов указал на ряд недостатков книги, но подчеркнул, что по ней все же можно судить о том, как выросли узбекские критики.

С П. Султановым не согласились многие отставали критики, о том, что критика не замечает новых явлений в литературе, игнорирует, в частности, одаренную, творчески активную молодежь, обогатившую узбекскую литературу рядом интересных произведений. Критик т. Джалалов говорил о том, что мешает росту узбекской критики, о боязни сказать резкое осуждающее слово по поводу отрицательных литературных явлений, о неуважении к труду товарищей писателей.

Узбекские критики, указав поэт Темир Фаттах, обычно выдают что-то, прежде чем оценить ту или иную книгу, поэтому много новых и хороших книг замалчивается. Крупным событием последних месяцев является издание сборника стихов Х. Алимжана «Бахт». Однако книга до сих пор даже не процензурована в печати.

Поэт Шейх-заде подверг критике статьи книги, посвященные поэзии. Отсутствует глубины анализа, схематичность — таковы недостатки книги.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Голос большого поэта

ИОГАННЕС БАРБАРУС

В своей книге стихов «Мультиплицированный человек» (1926 г.) эстонский поэт Иоганнес Барбарус, обращаясь к Европе, к ее революционным писателям, приветствовал их на языке радиопередачи: «Алло, Европа, алло! Здесь я — поэт маленького народа: сердце мое — станция радиопередачи».

Вызывая Париж, Лондон, Осло, Москву, Берлин, Мадрид, Софию и другие столицы, он провозгласил: «Ничего не значит, что между нами горы: земля разделяет, — облетают эфир. Нароты, протяните друг другу электрические руки, — сердце от сердца — только сантиметр!»

Поэт не был услышан. Большинство из тех, к кому адресовано было его стихотворение, вряд ли даже знало о самом существовании Иоганнеса Барбаруса. Голос большого поэта потерялся в пространстве. И в этом — одно из печальных противоречий современной культуры, противоречий, которые больно ранят поэта.

И. Барбарус — большой, интересный поэт, написавший свыше десятка книг стихов («Человек и сонник», «Мультиплицированный человек», «Мир открыт», «Рыбы на суше» и др.). Барбарус — в основном поэт города. Частый гость европейских столиц, он немало стихов посвятил изображению современного большого города. Однако понятие «урбанизм» далеко не исчерпывается своеобразием и значением его творчества.

В стихотворении из цикла «Мир открыт» Барбарус восклицает: «Смотрите, как волнует утро на улицах, рынках и море времени прибывает людей к берегу! Это — день, что штурмует: с флагом солнца, со штыками душой». Блеск и волнота жизни, волнуется море человеческих толп с многообразием единичных существующих, взаимное общение больших людских масс — вот что привлекает Барбаруса к городу. Жажда движения, простора, борьбы; реальное, конкретное ощущение единства мира, властная потребность свободного общения всего населения земной шар — человечества — в этом содержании его «урбанизма».

Большое место в творчестве Барбаруса занимает все, что служит общению людей, связи между ними. Микрофон, паровоз, аэроплан, пропеллер, «арфа проводов», телеграф — все это составляет неотъемлемый поэтический инвентарь Барбаруса, основу образной ткани его стихов. (Характерны в этом отношении названия стихов его стихов: «Мир открыт», «Поэт у микрофона», «Стихи о путешествии», «Через пороги» и т. д.).

Этому поэту, влюбленному в простоту и движение, стремящемуся к свободному общению со всем миром, судьба предназначила жить и творить в стране, где нет ни одного города с миллионным или хотя бы полумиллионным населением, в маленькой стране, замкнувшейся в своей карикатурной буржуазной государственности.

Со злым сарказмом пишет Барбарус о жизни и быте прежней Эстонской республики, называя ее казальной, копошней («Серое письмо с дороги»), о «маленькой республике», где на каждом перекрестке, у каждой канавы, словно репей, чертополох, торчит «кайцелинговец серый» (кайцелинг — реакционный, ныне распухший над мечтой о захвате власти, союз обороны). Барбарус издается над мелочностью ее хозяйственных горюшков:

Розовый свиненок — наше будущее
розовое!
Это — Эстония пламенный расцвет!
Свинья — вот поэзия! Все прочее — проза.
Глаголо: из свинарника придет к нам свет!
(Перевел И. Сельвинский).

Узость и неподвижность жизни на родине воплощаются у Барбаруса в обобщенный образ маленького города. Мотив маленького города, где «руки башен крестами дома осеняют тупо», над которым «слетавший путь, как саван над трупом», образ халужской, славенской жизни черной тенью проходит через все творчество Барбаруса.

Значит ли все это, что поэт И. Барбарус не любит своей родины, стыдится ее, что он — гордый одиночка, отщепенец, далекий от народа. А в таком случае можно ли его считать большим поэтом?

В обобщении «Рыбы на суше» (1937 г.) вычлещено одно из тех стихотворений, которые облагораживают глубины поэтической души, в которых поэт в минуту сомнения, утраты духа стоит лицом к лицу с самыми затерянными, самыми трудно разрешимыми вопросами своей судьбы. В этом лирическом стихотворении большой силы, ступенчатое к пику, несомненно названное «С самим собой», поэт спрашивает: «Кто опрокинул над югом моим свод без солнца, что всегда в тучах? Кто посылал над нашим небом народ без солнца, что в полах у других? Кто раскинул над местом Эстонии, над трясинами, болотами траурный флаг?»

В этих горьких словах, порождающих боль и тревогу маленького народа, живущего на больших мировых путях, на скрывающей импералистических войн, выразен один из наиболее существенных мотивов творчества поэта. Они показывают, как глубоко впитан вопрос жизни народа затрагивает поэт в своем творчестве и как глубоко он связан с судьбой народа, как национален. Только большому поэту свойственны такие качества.

И вместе с тем тоска поэта по дружбе между народами, по свободному общению людей между собой рождает его со всем переломом человечеством, с лучшими его представителями.

Творчество Барбаруса имеет, например, много общего с поэзией Маяковского, и это не случайно. Притом Барбарус не подражает Маяковскому, нет, это поэт творчески искавший своего пути в поэзии, в том же направлении, как и искал Маяковский.

В одном из своих стихов, посвященных проблеме поэтического творчества, Барбарус спрашивает: «Если все вокруг из железобетона, — лина, серпы и хол мели, — могу ли я быть из стекла, чтобы от меня подобно нежной, искусно раскрашенной дельфийской вазе, остались только осколки?»

НОЧЬ

Кулаком о тьму ударяю глухо:
«Задахаю!» Откройте! Мне душно... душно...
На засов замкнули вы двери духа,
Человека загнали в стойло конюшни!»

Но мрак, как гроб, безнадежен и страшен,
И млечный путь — как саван над трупом,
И звезды — как свечи, и руки башен
Крестами дома осеняют тупо.

И месяц, как хлыщ, в золотом монокле,
Из облака свесившись осторожно,
Глядит, ухмыляясь, в витринные стекла,
Где дохлая муха лежит на пирожном!

Над булочной крендель померкший и ржавый,
Качаясь от ветра, скрипит одиноко.
На улице пес, от тоски одичавый,
Припнувшись, поднимает ногу!

Да на углу молчаливый и грустный
Торчит часовой, окутанный мглой.
Шаги... Кто идет? Городок захолустный,
Тебя я разрушу, иль перестрою!

Перевел с эстонского Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Людас ГИРА

СТРАНА МОЯ

ИЗ ЦИКЛА «СТАРАЯ ЛИТВА»

Есть в Литве моей родимой
Нищенская сторона,
Гнет печали нестерпимой
День за днем влечит она.

Сонный Неман в травах сонных
Не плещет, — и приглушен
Голос пахарей и стон их —
Тише волн их горький стон...

Подмайдай до рассвета
Для постылого труда,
И за все старанье это —
Закогити тебя нужда!

Ни семян тебе, ни луга!
Борозды неподный прах,
Надевай на ручки плаги
И вздыхай о лучших днях.

Ждет крестьянин, глухо стонет,
— Счастье ль упадет с небес? —
Только ветер листья гонит,
Гонит в поле, гонит в лес.

Днем и ночью гонит, гонит,
Не жалея ни о ком,
В Немане безмолвном тонет,
Забавляется песком.

Пригибай липы, клены,
Крылья сизые смежи,
И ломает дуб зеленый,
Что и так насилие жив!

Свищет ветер в чистом поле,
Счастливы он, что мушкет

От судьбы, от светлой доли
И от волнкости далекой.

Минувало время славы,
Говорят нам старики,
— Некогда росли дубравы
Там, где ныне лишь пески.

Перевелся лес тогдашний,
Только изредка — у гроб,
При дороге возле пашни —
Сосны ржавые торчат.

Зеленеть они не вправе,
Что им ныне делать тут?
Знать, потомства не оставя,
И они во мрак уйдут.

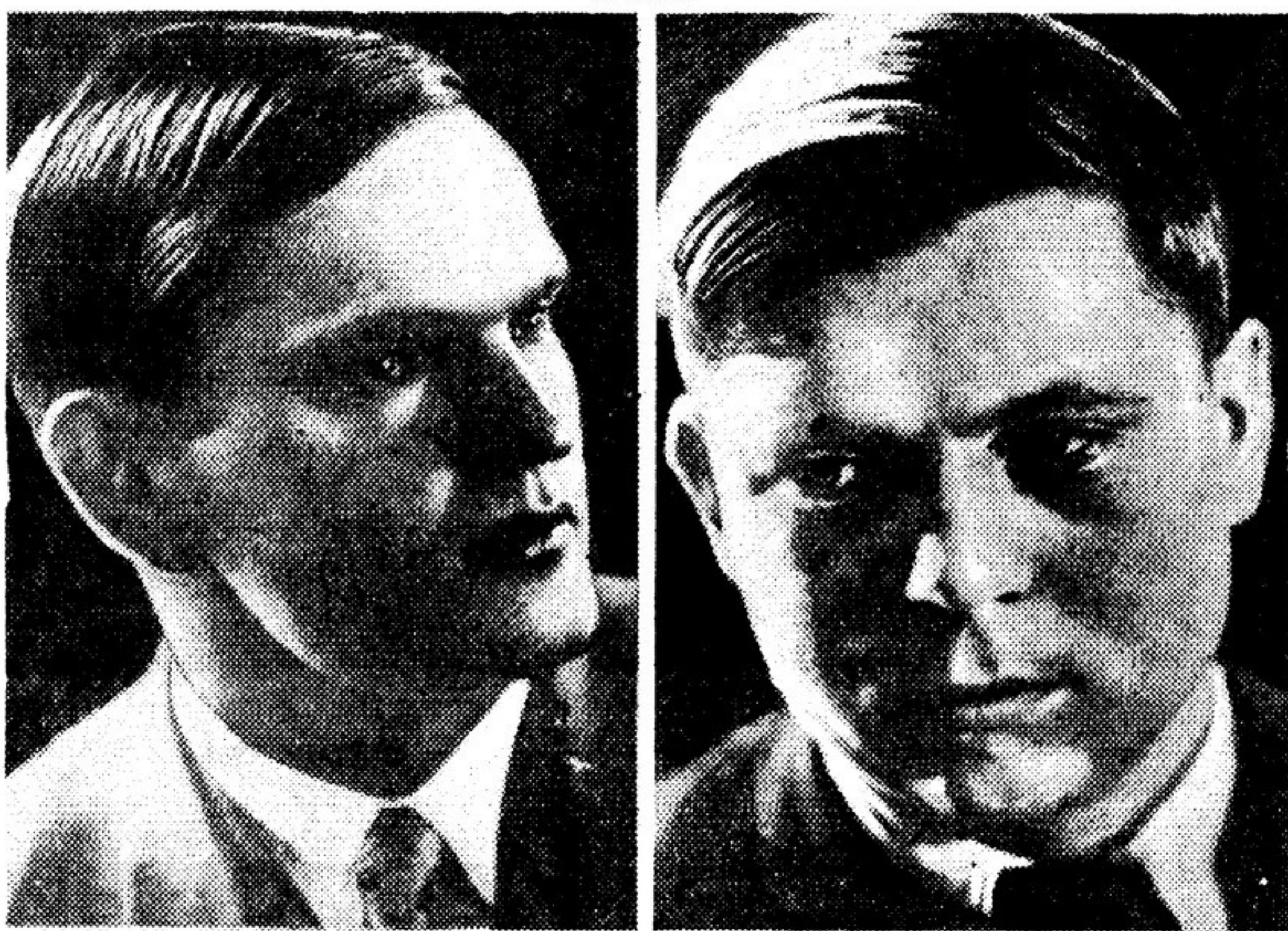
А сестричка молодая
Одинока и грустна,
За работой распева,
Вспомнит в песне их она.

Милый где-то на чужбине,
И она, за годом год,
Травы косит на равнине
Да напрасно друга жлет.

Липы курганы за деревья
Прошлое во сне зовут,
Лишь в расвете тайны древней
Дни минувшие живут.

Есть в Литве моей родимой
Нищенская сторона,
Гнет печали нестерпимой
День за днем влечит она.

Перевел с литовского Арк. ШТЕЙНБЕРГ

Депутаты народного сейма Литвы поэт и публицист Антанас Венцлова и писатель Петрас Цирка.

Две книги стихов

Основная область творчества поэтессы Клара Блум — это баллады. Баллады было уже первое стихотворение Клара Блум, с которым мы познакомилась в 1933 г., когда ей была присуждена за него премия на конкурсе авторитетной поэзии. То была «Баллада о подчинении». Недостатки, которых было еще не мало в этом темпераментном и мастеровом по языку стихотворении, поэтесса, благодаря напряженной работе над собой, затем большей частью преодолела. Часто не вполне художественная форма, в которой проявляется ее талант теоретика, — глуповольные рассуждения и отдельные места публицистического характера, — грозят понизить ценность самых подлинно лирических произведений, созданных ее талантом поэтессы.

Но даже в этой теневой стороне есть светлое место, есть человечность и поэтичность. Светлое место в буквальном смысле слова, ясность мысли, которую поэтесса чувствует в себе, как только начинает воспевать самостоятельное, свободное, возвышенное до логики мышление женщины, вырвавшейся из привычной душноватой атмосферы одних только чувств, освобожденной от классовых оков, как только начинает воспевать всех отверженных и угнетенных. Гетто Бракли, Бухареста, Черновиц, Фокшан, Герца, Яс и Кишинева в тяжелых, мучительных воспоминаниях еврейки, которая сама повзлала до положения свободной советской гражданки, преобразуются в светлого героя. При изображении его, хотя бы при беглом упоминании о нем почти каждое стихотворение Клара Блум, даже в самых отдаленных строках своих, вырастает в героический гимн освободительной силе разума:

...Тому, как солнце, правда дорога,
Кто на себе извел хоть однажды
Жандармские удары сапога.
Я дочь твоя, еврейская трушуба,
Я помню все, что вынес мое тело.
И взираю твоей тоской и злобой
И с новой силой я пойду вперед.
Пусть мысль моя неукротимо бьется
Над тем, чтобы страдальца превозмочь,
О, нищета, учи меня бороться!
Учи, народ, свою родину доль.
Стою я там, где были стены плача,
И непамяти приношу обет:
Я жизни путь сама себе напашу,
Пути другого мне отныне нет.

(Перевод с немецкого Н. Вервейской и О. Карповой).

Не случайно выражение «неукротимая правдивость» употребляется в обоих сборниках стихотворений почти так же часто, и всегда в положительном смысле, как и слово «логика». Не случайно, что в одном стихотворении дважды дословно повторяется одна и та же строка: «Логично любить мой народ, любить острый выдох». Моральное возмущение и интеллектуальная суровость, соединенные с сильным рационализмом, являются основной характерной чертой Клара Блум. Логика, которую она любит и восхваляет, это не метафизически ограниченная, застывшая казуистика и талмудика; это логика гибкая и пропихиваемая, как поясняет одно место в стихотворении «Erst Recht». Именно в защиту логики диалектической против талмудически-формальной ополчается Клара Блум в стихотворении «Чудесный рабон из Салагуры»:

...Вот видит рабон — в переулк узком
«Лень Черновиц» газетчик продает.
Вот видит он: в хибарке стекла тусклым,
В ней реб-Менасе людям обувь шьет.

Klara Blum. Die Antwort. «Международная книга», Москва.
Klara Blum. Erst Recht. Гос. изд-во национальных меньшинств СССР. Киев.

Сапожник с книгой сел поближе к свету.

У рабби взгляд колоч в прищурях век:
Откуда взял Менасе книгу эту?
Опасно мыслит этот человек.

Менасе голову склонил над книгой,
Вбирая съезд проникновенных строк.
Их глубину всем существом постиг он.
Он понял все, он не понял не мог.

Доволен он, кивает головою:
К познанию жизни строки те ведут,
Не держит ли талмуд от пред собою?
Нет, рабби, эта книга не талмуд.

(Перевод Н. Вервейской и О. Карповой).

Отход от консервативно-реакционного к прогрессивно-революционному, разрыв с обскурантизмом и паразитизмом, преданность мысли, труду и творчеству — таковы основные тенденции этой поэтессы, определившие все ее жизненные взаимоотношения.

Традиционная дилемма личного и общественного, дилемма «самосвободения» и «освобождения всего мира», таким образом, отпадает. И не менее устарела мнимая антигега «Эрос и Логос», которую Гас Бюхер, слышавший «антифемицист», искал, определял любовь как «принятие человека независимо от его ценности». Эта псевдодионисовская, истинно нищенская ограниченность диаметральна противоположна любовным переживаниям Клара Блум. Поэтесса любит того, кто она духовно приемлет. Она любит его, ибо она его духовно приемлет. И духовно приемлет она как раз людей того социального слоя и той национальности, с которыми империалистическое классовое общество обращается как самая злая мачеха.

Счастие, которое испытывает Клара Блум, живя в Советском Союзе и в его столице, не является у нее — как в ее «Национальной песне» — лишь побочным мотивом. Этим чувством счастья проникнуты и второе из стихотворений, озаглавленных «Мать», и любовная тематика («Письмо из Одессы» и «Письмо из Москвы»), и тематика национальная («Виноградник в еврейском холмике»). Это — лейтмотив. Это чувство — невисказанное — ощущается в противопоставлении прошлого и настоящего («Кавказская баллада былых времен», «Песнь Рузуданы»), в стихотворениях, посвященных Расковой («Спасительный полет» и «В тайге»), и в ряде других стихов, воспевающих равноправие женщины, достигнутое в Советской стране («Капитанша Советского Союза», «Безбожница из Красовичова», «Ты была его тенью», «Женщина-шофер Уралмаша», «Избранница народа»).

Особая ценность этих стихотворений о советской жизни заключается в их правдивости, в том, что они не ограничиваются только показом результатов общественного развития, а, как истинные баллады, стремятся изобразить или предвосхитить само общественное развитие.

Обе книги, как перевести, заслуживают самой высокой оценки; тем более, что вторая («Erst Recht») свидетельствует еще об особом даре, который не всегда присущ дару поэтическому: о таланте переводчика. Каждый из этих переводов с английского, русского и еврейского отличается художественностью, которая никогда не достигается за счет точности, и точностью, которая никогда не достигается за счет художественности.

По основной области ее прежде всего — баллады. Я думаю, что имею право сказать: эта женщина — наиболее многообещающий мастер баллады из молодого поколения поэтов.

Свифт, вновь открытый

М. САПИР

Несколько месяцев назад лондонская «Общественная библиотека», сорок лет издающая классиков большими и дешевыми тиражами, впервые решилась выпустить без сокращения «Путешествия Гулливера». До сих пор это издательство выпускало только полчищенного «Гулливера» в южешской серии.

Роберт Линд, редактор отдела критики газеты «Ньюс кропикл», приветствовал это важное решение краткой (по необходимости) и характерной заметкой. Было время, вспоминает он, когда редактор «Общественной библиотеки» не решился выпустить популярным изданием «Томас Диккенс». Он сделал это только после предварительного совещания с неким почетным духовным авторитетом. Людей викторианской эпохи даже Филдинг шокировал. Свифт же был для них нечуждым аид.

Но времена изменились. «Сегодняшняя читающая публика», — пишет Линд, — стала почти шоконепроницаемой. Ни грубость Свифта, ни его жестокость не кажутся в 1940 году такими грубыми и жестокими, как в 1900 году. Даже путешествие к Гуинигиам кажется пустяком в свете новейших явлений безумия и жестокости человечества».

Несколько позднее «Путешествия Гулливера» вышли в другом издании, в серии «Мировые классики». Издатели, видимо, почувствовали, что в сегодняшней Англии «Путешествия Гулливера» можно читать без особых опасений даже взрослым. Взрослые читают, пишут рецензии, и вот что написал Причсет:

«Ляпути нельзя любить, как Лилипуты. Но не нельзя не любить. Это — тот сумасшедший дом, в котором нам теперь приходится жить. Это мир безответственной спекуляции и безответственной науки, подготовивших мир к нынешней войне. В Ляпуте мы сразу вступаем в сферу нашей беспечности».

Сейчас нет надобности подкапывать англическому читателю, на каких страницах Гулливера ему искать аналогии с Англией свифтовского времени. Он всю жизнь воспринимает как путешествие в сегодняшнюю Англию. В «Путешествиях Гулливера» он видит десяти лет банкротства господствующих классов Англии. И Свифт воспринимается не только как сатирик, — и сатирик сегодняшней Англии, — но и как пророк. Свифт стоял над господствующими классами своего времени и мог смеяться над ними, уверенно предчувствуя неизбежное возмездие. Англия сегодня стоит перед лицом смертельной

опасности, к которой ее привели господствующие классы, и ей не до смеха. Она вбирает в себя всю жель, всю горечь Свифта, все его «свиньиные слезы». Свифт, которого часто сравнивали с Волтером и всегда ставили выше, которого так долго и старательно обезрежляли, становится (со всеми оповорками) Волтером сегодняшней Англии.

«Литературные мандарины превратили Свифта в пугало», — сказал Эрнест Бойд в 1927 году. По возмущению литературными мандаринами, среди которых в качестве первых звезд мандаринов Бойд называет Маколея и Теккерера, — интеллигентная стена расвалилась, как картонный домик, вместе с крушением викторианских традиций. Викторианство (вместе с его разложением) — эдаким образом — был английским девятнадцатым веком. Как и все в Англии, девятнадцатый век кончился, а двадцатый начался с некоторым опозданием. Смена веков произошла в 1919 году, в таких же обстоятельствах, как и смена двух предыдущих веков. Война и мир стали традиционными всеми веков. После двадцати с лишним лет войны Утративший мир 1713 года положил начало первой Британской империи. После тридцати с лишним лет войны Англия успела потерять Америку и на Венском конгрессе 1815 года заложить начало новой Британской империи. Вероятный мир... но мы уже знаем, что война Англия за мировую гегемонию и империю не кончалась в четыре года, и конец Версаля теперь только дописывается.

Мысль встревоженной, растерявшейся, извернувшейся в былой поряток и бывшие авторитеты интеллигенции Запада не могла не вспомнить о Свифте. Его начали читать по-новому. Достаточно было вновь прочитать Свифта в наши дни, чтобы заметить — «Путешествия Гулливера» (второй об Англии XX века больше, чем об Англии XVIII века. Где прогресс двухсот лет, о котором так настойчиво твердили апологеты существующего порядка? Наука — да, машины — да, и все-таки Англия кажется сегодня первым английским более бедной, более жестокой, более ленивой, чем Англия прошлого.

Это ощущение соответствует действительности истории развития. В XVIII веке, при всех уродливостях, капитализм и буржуазия шли вперед и вели вперед мир. Теперь остались одни уродства, и во сколько же раз они хуже и безобразнее у падающей, тянущей мир назад буржуазии! Свифт, блестяще знавший обще-

ство своего времени, хотя и не знаящий, что оно называется буржуазным, видел пресущую ему внутреннюю гниль. Свифт, живший в начале господства буржуазии, интуитивно гениально видел ее конец. Зараженное гнилью дерево может расцвести, но не может не сгнить. Буржуазия и все, что был с ней, могли быть опьянены ее успехами и верить в ее будущее. Свифт не обманывался и не верил. Говорит, если бы его личная карьера была более удачной, он оставил бы свой сарказм по себе. Свифт был озлоблен неудачами карьеры, но дело-то в том, что его карьера не могла не быть неудачной, и следовательно, он не мог не быть озлобленным. Свифт по своему уму мог быть только либо диктатором английской буржуазии, либо — Свифтом. Диктаторствовать в Англии могли только «подлый ум». Уполюпа или более мелкое, но не менее подлые умы его эмигрантов. И, стало быть, причиной того, что Свифт стал Свифтом, был неизбежный конфликт между его умом и обществом его времени.

Этот конфликт между умом Свифта и обществом («горе от ума, огромное горе от огромного ума», — так выразился А. Луначарский) в наше время стал всеобщим внутренним конфликтом буржуазного общества. Только горе теперь не уму, а обществу. И тоже большое горе. Теперь до Англии «дошло», то что говорил Свифт двести лет назад.

Свифт актуализировался вскоре после первой мировой войны. Тот же Роберт Линд лет двадцать назад спорил с консервативными писателями о Свифте. Он «оборачивался на Теккерера и говорил: «можно подумать, что Теккерера никогда не читал Свифта». Профессор Уэбли в начале двадцатых годов доказывал, что Свифт был верным торжес. Линд доказывал, что Свифт не был ни витом, ни торжесом. И оба консервативных Уэбли и либеральный Линд, протестовали против приписания Свифта к мизантропам. В самом деле, какой же он мизантроп, если он только опивался, но стх, то общество, в котором сейчас происходит жизнь его потомков? После мировой войны не могло быть сатиры, которая казалась бы слишком сильной для человеческого общества.

Люди более пессимистического склада ума, решившие, что после опыта мировой

войны только и можно жить, если все ненавидеть, приветствовали мизантропию Свифта как самое здоровое отношение к жизни. Жизнь страшна, но раз уж вы заранее и навсегда отказались от всяких надежд, то вам и горевать не о чем, можете жить и смеяться над жизнью».

О Свифте в послевоенные годы много писали. Мы приведем, как наиболее типичные для нового отношения к Свифту, высказывания упомянутого уже Эрнеста Бойда в его сборнике литературных очерков, вышедшем в 1927 году. В Свифте, говорит он, в его личности объединились и достигли «максимальной интенсивности» все «элементы XVIII века», который закончился Французской революцией. Сомнения Свифта были «глубже и радикальнее, чем сомнения Вольтера». Его неплатящая мысль «выходит далеко за пределы временного», он «срывает все покровы сатинamenta и воображения, которые скрывают нас от самих себя». Свифт — философ вечного, всеобщего, а не только сатирик определенного общества и определенного века.

Профессор Коллинз, который говорит, что «Путешествия Гулливера» — это «столько иступление цинизма и мизантропии», сам, по мнению Бойда, этим доказывает, что он — Яху. Бойд зло высмеивает «грубую коммунитарность» интеллигентную «близость» «сатанинского» Свифта. «Эти джентльмены обрисовали Свифта как безобидного свиньица, как разочарованного карьериста, как психического эпилептика», — как безразличного эпилептика в отношении к женщинам, окончившего свои дни в одиночестве, преследуемого ужасами безумия, мучимого физическими болями. Короче, они нарицательно называли Свифта как пример того, какое страшное наказание ожидало всякого, кто усомнился в божественном порядке вещей». Свифта объявляли «зловонным ипохондриком» на том единственном основании, что всякий сепитик «обязательно должен быть ненормальным и несчастным существом».

В течение последних 10—15 лет накопилось обширный материал о Свифте. В вышедшей в 1937 году биографии, написанной Бертрамом Ньюменом, как он скромно признает, на основании материала, собранного другими исследователями, перечислено семь книг о Свифте, появившихся за короткий период 1931—35 годов, и множество журнальных материалов. Англоязычная шельха отброшена. Биографы Свифта тщательно изучают эпоху, исследуют роль Свифта в борьбе за независимость Ирландии и концентрируют внимание на трагичности-трагической

Песни степеней

Вышла в свет антология казахской литературы «Песни степеней». Это большое литературное событие. Подобно тому, как в свое время антология армянской поэзии была результатом вдохновенного, большого труда В. Я. Брюсова, названного культурой народа, установившего крепкие творческие связи с лучшим его представителем и сделавшего очень много, чтобы воспитать в русском читателе уважение и симпатию к братскому народу, так и «Песни степеней» — это продукт глубокого продуманного и тщательного труда, овеянного большой любовью к казахскому народу и его культуре.

Альманах раскрывает перед русским читателем своеобразный мир поэзии казахского народа, где элементы фантастики гармонично сочетались с реалистическим изображением жизни, лирические отступления — с мудрыми посланиями, скотоводческий словарь — с философской лексикой. Точность эпитетов завершает со свежестью красок, простота слова — с глубиной мысли, сложность сюжета — с непринужденностью композиции.

Редактор-составитель Л. Соболев в предисловии к антологии говорит о двух задачах, стоявших перед ее редакцией: «показать казахскому народу и приоткрыть занесен, скрывавшую до сих пор от русского читателя прекрасную мир мушкетерских и пленительных образов, созданных поэтическим гением казахского народа».

Обе задачи равно актуальны и благородны. Редакция отдала предпочтение первой — показала непрерывность тысячелетней борьбы казахского народа за свободу. Показано это с большой убедительностью, хотя мозаичность, отрывочность материала вынуждают в иных случаях досуду. Безусловно антология выиграла бы, если бы вместо отдельных глав девяти эпических поэм в нее были включены три-четыре поэмы. Редакция пришла бы кое от чего отказаться, но это не так уж важно, тем более, что все поэмы героического эпоса созданы почти в одно и то же время. Обидно, что жемчужина народного творчества — «Кыз-Жибек», поражающая формой изложения, ритмическим богатством стиха и смелостью композиции, напечатана в таком виде, что больше напоминает либретто. Обидно также, что поэты-классики, Абай и Мухамбет, представлены так же скупо, как и поэты, заслуживающие большего внимания.

Но эти недостатки, конечно, никак не умаляют большого успеха, достигнутого редакцией альманаха. Мы имеем книгу, которая не только доставит читателю большое художественное наслаждение и обогатит его поэтическим вкусом, но и является важнейшим историко-литературным документом, играющим большую роль в укреплении культурных связей между братскими народами.

В антологии три раздела. Первый посвящен эпосу и старинному фольклору. В былинных поэмах поются подвиги богатырей, одиозных героев народа и его воле к борьбе против завоевателей. Значительное место в поэмах уделяется женщине. Любимая девушка достается батыру после сложной и опасной борьбы. Характерно, что женщина не находится в подчиненном положении, как это обычно на Востоке. Безыменные авторы поэм падали ее теми качествами, которые отсутствуют у героя. Таким образом, наша батыра дополняет его образ.

Две лирические поэмы — «Кызы-Корпеш и Баян-Сулу» и «Кыз-Жибек» по справедливости могут быть поставлены в один ряд с лучшими произведениями мировой литературы, посвященными любви и страданиям. Разлученные в детстве Корпеш и Баян ищут друг друга, стремясь соединиться. Корпеш из ревности убивает папу Козар, и Баян у него пропавает в двух гробах. «Кызы-Жибек» как лирическая неслучайна, потому что, генетически отнесенная в «Ромео и Джульетта», наша своеобразная воплощение в казахской поэме XI века.

Другая поэма — «Кыз-Жибек» — посвящена о любви Толегена и красавицы Жибек, любви, трагически оборванной предательским убийством Толегена его соратником. Описанием красавицы Жибек посвящены в поэме целые страницы.

Она тростника стройней,
Стремительней гор-марала.
В ногах ее рывень стрел,
Слетающих с туги,
Их лень коснуться травы,
Вокруг ее головы
Воздух, казале, горел,
Весь мир на нее смотрел.
Пред взором ее стланным
Робейший мир сползал.
Грудь выдалась приливом
Любовью внушенных сил...
Эти несколько прекрасных строк все же в какой мере не могут передать всей поэтичности и обаяния Жибек, Волнами, затонавшими друг друга, следуют сравнения, образы, эпитеты. Этот прием, знакомый еще со времени соловьиной «Песни песней», требует от автора большого искусства и чувства меры. И нужно сказать, что поэма «Кыз-Жибек» отвечает самым высоким художественным требованиям.

Народные сказки по форме, сюжету, по остроумию своему неотразимы. Уже первая сказка «Сорок небилец» поражает смелостью темы. Бездельник хан предлагает свою дочь в жены тому, кто беззаботно расскажет сорок небилец. Одно слово правды — и веселина. Немало людей было повешено, пока не явился индий мальчик. На протяжении шести страниц рассказывает мальчик о своих похождениях. И, к удивлению читателя, из одного слова правды нельзя найти в его речи. Подвиги барона Мюнхгаузена бледнеют перед злоключениями мальчика и кажутся пресной прелестью. Остроумие и находчивость, увлекательный сюжет украшают эту сказку, как и прочие и все казахские сказки. Характерно, что во всех них бичуется глубина ханов и баян и подчёркиваются ум и находчивость простых, бедных людей. Замечательны концовки сказок. Так, например, в сказке «Невнимательный» предлагается султана вор должен был познать что-нибудь из занесеного дурпа. В награду ему за это обещана султанская дочь. Вору удается выкрасть самого хана с ханьей.
— Вот тебе моя дочь, — сказал султан,

—отныне ты будешь моим визирем и наследником. Неудачный вор — лучший подданный султана в его землях, — неожиданно заключает он свою речь.
Второй раздел антологии посвящен казахской литературе XIX века, вошедшего в казахскую историю как век восстаний. Неограниченный произвол ханов и грабительская политика царского правительства, выпавшие в так называемой «военной колонизации», привели казахов к обнищанию и вызвали ряд народных восстаний. Поэты и акыны этого времени создали поэмы и песни, воспевавшие борьбу казахского народа, его героев и подвиги. Наиболее ярко отражено в литературе восстание Исатай-Мухамбетова. В молодости воспитатель ханского сына, акын Мухамбет, был изгнан ханом за резкие высказывания против деспотизма и произвола. Сближившись с организатором народного восстания Исатаем, Мухамбет становится певцом народного гнева, а затем, после гибели Исатая, и руководителем революционного движения. Вот как он обращается к хану Баймагамбету:
Ты — мой брат, и много поколений
Друг за другом мы следим с тобой,
Ты — потомок ханов белокостных,
И тебя известно ненавижу.
Страстный поток чувств, подчиненных всегда одной мысли — об освобождении народа, грозные речи, меткие образы, близкие, как молнии, ритм стихов, построенный на принципе ускорения, — все эти свойства поэмы Мухамбетова напоминают пламенные речи Байфара и революционные стихи Лермонтова («...а вы, вальменные потомки...»). Можно только позавидовать, что в книгу не вошла ни одна из поэм Мухамбетова. Да и стихотворений напечатано всего семь.

Вторая половина XIX века ознаменовалась в Казахстане «земельной колонизацией». Восстания были жестоко подавлены. У народа отбирали лучшие земли и передавали ими русским помещикам наряду с казахскими баями и ханями. Народу оставалось только пропалывать сенокосы, пахать и обрабатывать свои небольшие участки. Пessimизмом полны стихи поетов Шортмбата и Мурата. Сильна в них и мистическая струя.
Хлынувшие в степь, по инициативе царских чиновников, мусульманское духовенство взяло на себя роль миссионеров. Оно способствовало развитию письменности. Появляется религиозно-мистическая и религиозно-героическая поэзия («Книжкины», стоящая в стороне от развития устной поэзии. В противовес «книжникам» возникает другая простояка поэтов — дильей, кончаящих русские школы и развившихся идеями народников-просветителей. На стихах Алтынсарина и Шаншера заметно влияние русских классиков. И особенно привлекают своей музыкальностью стихи Шаншера. Однако, ограничившись узко лирическими темами, содержание природы, Шаншера не развернул во всю ширь свой талант, как это сделал Абай Кунанбаев, отразивший в своей поэзии общенациональные интересы. Абай — создатель литературного языка казахов, пионер в области стихосложения (он обогатил тонкую о слоговой), Абай — автор первых исключительных лирических стихов, первый стихотворный переводчик Лермонтова, Пушкина и Крылова, Абай — лучший казахский поэт, демократ, патриот — представлен в сборнике всего 12 небольшими лирическими стихотворениями, не дающими представления о его многогранном таланте. Это большой недостаток антологии.

Последний раздел антологии посвящен советской казахской литературе. Главная задача советских акынов во главе с Джамбулом дошла до наших дней весь многовековой опыт устного народного творчества. Многообразная поэзия акынов отличается высокоразвитым чувством нового. Один из них, продолжая традиции знаменитых поэтов, посвящает героев сталинской эпохи. Другие в народной форме «жырау» поэтически размышляют о новой жизни. Третьи в своих импровизациях откликаются на злободневные темы. Но при всем разнообразии их методов и тематик поэзия всех акынов объединяют целеустремленность, социальная действительность, высокая культура стиха, богатейший поэтический словарь и эмоциональная насыщенность. Помещенные в сборнике песни Джамбула, Садыла, Умурака и др. дают русскому читателю довольно полное представление о характере и стиле творчества советских акынов.

Из произведений советских поэтов, помещенных в антологию, выделяется стихотворение Токамагамбетова Аскара — «Кровью написанное» — рассказ повстанца, потерявшего любимого сына-героя во время восстания 1916 года. Аскар, бывший акын, сочетал здесь импровизационную непринужденность рассказа, расцветившего образами и сравнениями, с своеобразной формой баллады.
Хороши стихи поетов Т. Жарокова и А. Тажибаева. В стихах Жарокова — и в ритме, и в выразительной короткой фразе, и в остром сравнении — чувствуется богатство поэтического таланта. В стихах Тажибаева («Сир-Дары», «Разговор с Тараком») лирическая страсть переплетается с остротными размышлениями человека социалистической эпохи.
Напечатанные в сборнике главы прозаических произведений советских казахских писателей говорят о быстром росте молодой казахской прозы. Глава из романа Ауэзова «Абай» свидетельствует о том, что автор прекрасно овладел историко-биографическим жанром. Главы из романов «Золотое зыяма» Муканова Сабита и «Шалкер» Аскара хотя и не дают представления о романах в целом, но позволяют судить о мастерстве их авторов. Созные события зарисовки, яркие образы баев, купцов и крестьян и крепкая композиция (это чувствуется в отдельных главах) безусловно вызывают интерес и русского читателя к романам и рассказам казахских писателей. А если так, то цель редакции выполнена.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы как можно быстрее исполнилось обещание, данное в предисловии редакцией альманаха, о предстоящем выходе в свет сборника казахских сказок и собрания стихотворений Абая. Это будет подлинным подарком для советских детей и всех любителей поэзии.

Понятия возбуждения Борисова беллетризовать именно ту, а не другую страницу из жизни Чехова, или Александра Блока, или Максима Горького.

Горький любил детей и в обращении с ними был чуток — да, это так... Но достаточно ли того, что сказал на эту тему Леонид Борисов. Незнакомое солнце. Книга рассказов. 1940. Гос. изд-во «Художественная литература». Ленинград.

Панно художника А. П. Романова в Главном павильоне на ВСХВ: «Спорт и физкультура в колхозе».

Мнимая характерность

С. БОНДАРИН

Разнообразие человеческих психологий сказывается иногда в том, что один литератор предпочитает писать о море, другой избирает исключительно спортивные сюжеты. Однако, если этот выбор не есть только позиция для более широкого взгляда на жизнь, а ограниченная цель, неизбежны и результаты такой ограниченности. Бой боксеров сам по себе может стать предметом искусства, по отношению к этому зрелищу, воспитанное всею жизнью, чувство связи происходящего со всем тем, что осталось за границами ринга, могут породить тему.

Новая эта истина тем более очевидна, чем законичнее форма произведения. Бой на ринге или уличное происшествие могут стать одним из мотивов большого рассказа, повести, но в коротком рассказе происшествие на улице должно особенно ошупаться как событие, достойное внимания. При этом условии объективный факт служит для выражения идеи рассказа или повести, что собственно и значит — вагги свой сюжет. Этим может объясняться и предпочтительность одних сюжетов перед другими.

В книге рассказов Леонида Борисова наиболее часты и в этом смысле как будто наиболее характерны рассказы, которые можно было бы назвать биографическими. В серии повелел о Гоголе, Чехове, Горьком и других писателях отчетливо видна, однако, неподготовленность автора к обработке этого материала.

За исключением рассказа о Грине да, пожалуй, рассказа о молодом безвестном Некрасове, вещь этого цикла раздражает своей легкомысленностью, необязательностью, слабостью языка, а следовательно, своей претенциозностью.

Писать о писателях, о художниках — искусство об искусстве — очень трудное искусство. Оно трудно по тому же, почему трудно писать о звездах. Без тщетного лаборатория прекрасного может казаться заманчивой одним своим аксессуаром. Художественное познание помещается в этом случае эстетском. Тут — одна опасность. Возможна и другая: парочное снижение темы, произвольное смешение ее в быт. Ибо происходит «спущивание риз», но тут действует не пылкость художника, а только соблазн воспользоваться известным приемом, общепринятым влостью «остранения».

Это замечание полностью подтверждают биографические рассказы Л. Борисова. В них не чувствуется того самостоятельного выражения своей темы, о каком мы говорили выше. Сюжеты привнесены в быт, но художественного бытия не получили.

«Вечером опять гости. Б. Антону Павловичу никого не пускали. В ярко освещенной комнате сидел он сидел и разбирал книги. Сестра Мама говорила гостям: — Не тревожьте Антона, у него близкие друзья из Москвы».

Вот все, что сумел рассказать Борисов о Чехове.

Рассказ о Гоголе кончается так: «Стой, говорю тебе, стой! — сказал пейзажистом. Гоголь обернулся. Двое стояли перед ним. И тот, другой, только что нагнавший

Борисов в корыте своем расказе «6×9». Мальчик проник к занятому делом писателю, чтобы сфотографировать его. Обнаруживается, что дома забыты фотоаппарат. Маленький фотограф с огорчением уходит, обещая вернуться. Позже кто-то спрашивает Горького: — Мальчик? — спросил Горький. — Нет, взростный. — Не пускайте, я занят. Но если придет мальчик, — немедленно проводите ко мне.

Вот все, что выразил этим рассказом Борисов. Для журналистской заметки достаточно. Для художественного рассказа — далеко не все. В рассказе нет того, что можно было бы назвать дополнительным чувством темы.

Чаще всего «рассказы о писателях» Борисова — повествование об обстоятельствах, якобы предшествующих появлению того или иного известного произведения — чеховского «Черного монаха», гоголевской «Шинели».

Размышляя о рассказах Грина, Борисов говорит: «...они научили нас фантазии, выдумке, точности, игре с сюжетом потртыра».

Играть с сюжетом воткрытую — значит подчинить его себе, а не подчиняться ему. Но, пожалевши юного Гоголя за его одиночество в новом большом замысловатом городе Петербурге, а большого Чехова за то, что гости не дают писателю покоя, Борисов еще не создал сюжета, не произвел открытия, возможного при более напряженном, прощупывающем отношении к теме. Борисов пишет лишь то, что, как говорится, лежит на поверхности: к Чехову привезли большого мужика; пришел и выпил — возку исправил; какой-то подозрительный молодой человек заводит разговор о литературе, а Чехов все думает о значении приснившегося: «Опять снится черный монах». Он хочет работать, а тут гости, он хочет погулять, а тут «новый приступ кашля» приподнял его и согнул вдвое.

«Художнику дано освобождение от печали, — якобы думает Чехов, припомная, какому писателю принадлежит эти слова, — освобождение от печали, если будет найдено средство ее выражения». Вот это и есть то самое умиление тройной красотой, которым так опасно чреваты темы о писателях и художниках и которое, кстати говоря, Чехову было глубоко чуждо.

«Вечером опять гости. Б. Антону Павловичу никого не пускали. В ярко освещенной комнате сидел он сидел и разбирал книги. Сестра Мама говорила гостям: — Не тревожьте Антона, у него близкие друзья из Москвы».

Вот все, что сумел рассказать Борисов о Чехове.

Рассказ о Гоголе кончается так: «Стой, говорю тебе, стой! — сказал пейзажистом. Гоголь обернулся. Двое стояли перед ним. И тот, другой, только что нагнавший

пу. Конечно, это никакая не пародия. Это невежество и безграмотность, и только. Безумно спящие среди лилий старуха-жена с внуком, это, по Егорову, — образ беснующей буржуазии Запада, а дочь Молодого — символ беснующей западной молодежи. Неаром она каждую ночь играет в театре. В этих строках Егоров подводит, так сказать, классическую подоплеку под все поступки своего зюлая. А вот картина работы шпипского центра:

Шпипона приверло,
Он сутки не пил.
Гнет жаждою горло,
Терпеть нету сил,
И улыбка готова нас покинуть.
Пожой он на чум,
Верней — на шпану,
Ползущий оттуда
В Советов страну.

Погодите, погодите, Алексей Егоров, — хотим мы сказать, — неизменный шпипон, похаживай сразу на чудо и на шпану, — это уже не пародия и не пропия, это скорей буффонада. До детей это не дойдет.

Но вот шпипон, устав позати, отдается воспоминаниям о далеком, оставленном им доме.

Что делает с внуком Старуха-жена? — думает этот «энергичный ползун», как его называет автор.

Наверно укрывлся
От ба и до пят.
Б саду, среди лилий,
Не думая, спит.
С душой Клеопатра,
Любимая дочь,
Играет в театре,
Как каждую ночь...
От нашей улыбки не осталось и помни-

своего товарища, заявил вдруг, пойдя к Николаю Васильевичу:
— А ведь шинель-то моя... — и полнее к лосу Гоголя большой, квадратный кулак.

Шинель, якобы снятая с Гоголя, опитка не открытие, а, в сущности говоря, литературная реминисценция. Если даже поверить в это происшествие с Гоголем, для сюжета оно само по себе недостаточно, ибо сюжет начинается как раз там, где автор обрывает рассказ: как именно случилось, что грустное, беззвоное, будничное петербургское происшествие переносится в гоголевскую повесть? Допускает автор и мы бы тут став сюжетом новеллы. Но, разумеется, домысливать за Гоголя не легко!

Наполнение деталей, работающих на сюжет, зависит от самого сюжета, от художественной идеи, руководящей автором. Будучи элементом формы, деталь становится тогда необходимым целого в том смысле, в каком упоминают обычно докучливое человеческое ружье. Без этого условия автор уходит в подчиненные мелочам, деталь подменяется аксессуаром, и реминисценция снова тут как тут: большой квадратный кулак подносится не к лицу Азакия Азакевича, а к усам Шпипола Васильевича. Чего же проще! Но прелем уже кажется оправдавшемуся, и его готовы повторить.

«—Ох, ветер, ветер, — со вздохом произнесла женщина, — на всем большем свете ветер!», — сообщает Борисов в рассказе «Чудный гость», следуя за Александром Блоком по зимним, тревожным, малолыжным улицам Петрограда.

Возглас женщины услышал Блок, и в эту ночь он закончил «Двенадцать».

Однако при всех слабостях большинства рассказов Борисова, книгу его оставляет скорее с чувством смущения, чем с удовлетворением. В чем же дело? Дело в том, что Борисов не умеет писать о писателях, а Чехов все думает о значении приснившегося: «Опять снится черный монах». Он хочет работать, а тут гости, он хочет погулять, а тут «новый приступ кашля» приподнял его и согнул вдвое.

Что же касается жанра биографических рассказов, то в заключение хочется сказать еще раз: заключение биографического материала необходимо связано с глубокой личной отношением к нему.

В дискуссии о биографическом жанре, между прочим, правильно указывают, что Кольм в представлениях конца XVIII столетия — не тот же самый Кольм, каким знали его матросы каравел, а мы знаем о Кольмубе то, чего не знали его современники, но зато не знаем кое-чего из того, что современники знали.

Ну, что же! В художественной биографии, как во всяком искусстве, нас прежде всего интересует долговечное в новых и разных обстоятельствах жизни, долговечное, счастье обнаруженное художником.

Новый поэт

Мы ждем новых поэтических имен, новых талантов не с боязнью конкурентов, а с жадностью, с надеждой. Первую книжку стихов молодого поэта всегда раскрываем с некоторым, вполне понятным волнением.

Ярославское областное издательство выпустило книжку стихов Марка Лисанского «Берег». Скажем сразу, что эта книжка — не открытие, что в ней есть немало самых грубых, самых ученических недостатков. Но Лисанский безусловно талантливый человек; у него то и дело встречаются счастливые находки, и поэтому его стихов хочется и нужно говорить.

Стихи Лисанского обладают одним неоспоримым достоинством: естественностью, каким-то мальчишеским (но не инфантильным) восприятием мира. Причем его естественность — вовсе не пресловутая «свежесть», о которой вспоминают по поводу почти всех молодых поэтов и без которой вообще немалым способный молодой человек, идущий в литературу, — нет: подчеркнутая простота, даже якобы нарочитая небрежность Лисанского — результат разумный, поисков, результатов труда.

Стихи, помеченные 1934—35 гг., сделаны гораздо чище, с большим «техническим совершенством», с тем поверхностным умением сглотнуть рифмой и перебором размера, которое всем нам приелось. Стихи последних лет по технике стоят как будто гораздо ниже, но зато они стоят ближе к тому идеалу стихотворения-разговора, к какому сейчас стремятся многие поэты.

Так как книжка Лисанского издана всего трехтысячным тиражом и речь идет о человеке, насколько мы помним, почти не печатавшемся в центральной прессе, я позволю себе привести строфы из разных стихотворений, которые заслуживают внимания читателей и позволяют наглядно видеть, как Лисанский становится хорошим поэтом: Как жалко тебе! Как хочи я помочь, Но правных слов нехватает. Его не хоронят. На улице — ночь. Нисью — на столе. На востоке саетает.

И ты не приходишь к нему скажи, Как день не придет вечерный. Ты больше ему не напишешь письма... Как это страшно.

Я отчаянно понимаю, что эти строфы — далеко не шедевр. Любой эстет только презрительно скривится над этим, пожалуй, даже неуклюжими строками. Но мне они, произнесенные без ложной патетики, без оптимистических усилий, без позы, дороги не только как живые и ясные, а как человеческий документ, а как самая настоящая литература. Точнее: как пока еще робкие подступы к полному искусству, незаметно возникающему из жизни и уходящему в жизнь.

Импонирует в Лисанском и то, что он, судя по книге, может бесконечно, интуитив, и интуитив там, где действительно лежат стоящие вещи. Единственное, что мешает ему, как это ни парадоксально звучит, его чрезмерная скромность. Конечно же я говорю не о приятной и даже необходимой человеческой скромности, а о ложной скромности, той скромности, когда человек нарочито заранее ограничивает себя, связывает себя связками на свои «малые возможности», на свои «небольшие способности». Такая благообразная скромность сужает, приглушает литератора, и в советской поэзии, где нужны вера в себя, дерзость, размах, — способна сыграть только отрицательную роль. Я говорю об этом не по поверьям, а по опыту: я в первую голову обладаю непосредственно к Лисанскому, так как в его книжке не раз встречаются такие вот строки: «И если я покамест обуче не вполне...». «Пусть буду невозвратен...» и т. д.

Зачем же нам быть все жизнь неизвестным? Приобретайте, пожалуйста, известность, завоевывайте читателей и перестаньте считать себя провинциальным поэтом. — все это зависит от вас, от неустанной работы над собой.

Об этом нужно говорить серьезно, так как книжка «Берег» — результат семилетней работы, а за семь лет можно было сделать в семь раз больше. Очень хотелось бы, чтобы теперь, когда у поэта уже выработалось умение писать просто, работа пошла производительно, шире, разлее.

Можно подробно остановиться на многих недочетах, на неудачах и даже на очевидных поражениях Лисанского, по задаче этой статьи — обратит внимание на хорошее, что есть у молодого поэта и пожелать ему подлинных удач.

Печальная фантастика

Петр СКОСЫРЕВ

Синяя, опрятная книжечка. Красочный рисунок на обложке: корычневый конь скачет по желтому полю, на коне мальчик в красной рубашке. В книжке рассказывается о ледовых буднях наших пограничников в Средней Азии. Тема интересная и нужная. Цена книжки скромная — 2 рубля 60 копеек. Тираж — 10.000 экз. Что же, по-прежнему Туркменшазат с вынужденной пользой детской книжки, а автора, Алексея Егорова, поблагодарим за его заботу о советских детях. Злодую уж принесем благодарности и редактору А. Аборскому, чья доблесть скреплена эта поэма для детей, поющая звучное мажорное «Сенд с бархана Гумбелз».

Впрочем, погодим с похвалами. Кроме заглавия и обложки, в книге должен быть еще и текст. Познакомимся с ним.

Вот мы открываем книжку на странице 69 и читаем:

Подлет к нашим землям
Заялный шпипон.
Подлет, словно япер,
Зюзя или уж.
Он дрыхл, неиззян,
Голодный к тому ж.
Мы думаем сперва: может быть, это пропия или пародия, может быть, Егоров своего рода «укрышкины» детской литературы? Он выдумал неизянного заялного шпипона для посрамления всякого рода халтурщиков, спекулирующих на оборотно-пограничной тематике? Мы даже улыбаемся, читая, что у шпипона Чалуюю окручен Восточный хахат, —

Алексей Егоров. «Сенд с бархана Гумбелзи». Ашхабад, 1940.

Чего добудешь!
В такте бездурножи
Забыл ориентир...»

Хватит шпип. Все две тысячи строе этой, с позволения сказать, «поэмы» иллюстрируют безответственность ашхабадских издателей и редакторов, пропагандирующих чудовищную макулатуру.

Десятилетний тираж книги разошелся по республике. Десятки тысяч детей, читающих сейчас «Сенда», причисляют тем самым к нарушению всех нравов грамматики и простого здравого смысла. Поверив Егорову (а какой ребенок не верит автору книжки), они будут говорить отныне: — огонь в степи виднеет, вместо вышесказанного, слово обогнать будут произносить с ударением на первом слоге. Вместо черепная коробка, они скажут черепная крышка, памятуя, что у Сенда

Черепная крышка
Лопнула над ухом,
Но герой-мальчишка
Ше теряет духа.
Пожалуй, они звучат панзусте такие строки:
Вило в нос лозом,
Камфаром, восток (!)
Он не хихал сроду
Этих хихиматов (!),
или, чего доброго, научат называть свою мать так, как мать Сенда неизвестно за что обовал Егоров:
Пять лет тогда Сенду было,
«Бонбон» — месяц. Знал он дом.
Гуляя с матерью-кобылой,
Густым питался молоком.
На наш взгляд, надо немедленно лезть эту чудовищную книжку.

Новая роспись плафона Большого театра

В 1856 г., когда было построено (после пожара) новое здание Большого театра по проекту архитектора Кавоса, артельный зал театра был украшен живописным плафоном, на котором изображены десять муз на фоне орнаментированного рисунка. Некоторые муз держат музыкальные инструменты в руках. Роспись в целом выполнена в славянском народном стиле и не представляла особой художественной ценности. Художественная ценность плафона снизилась еще больше в результате первой реставрации, произведенной в 1895 г., во времена коронации Николая II. Впоследствии плафон подвергался неоднократно и новым реставрациям, так как полотно, на котором он был написан, с течением времени полностью переродило. Последняя реставрация относится к 1938 г.

В нынешнем году Комитет по делам искусств решил выполнить роспись нового плафона артельного зала Большого театра, который и по своей тематике и по своей живописной ценности полностью соответствовал бы требованиям нашей эпохи. Для разработки проекта плафона был проведен открытый конкурс, в участии в котором были привлечены крупнейшие советские мастера декоративной и фресковой живописи.

Недавно жюри конкурса закончило рассмотрение всех представленных на конкурс проектов плафона. Утверждены авторские росписи, представленные акад. В. Е. Лансере. Тема нового плафона — апофеоз музыкального искусства народов СССР. Непосредственно за писанной узор рамочным образом бы поставлены четыре золотых статуи — две стоящие группы: певца и аккомпанирующей ей скрипки и танцующая под аккомпанемент гитары балетная пара, и две сидящие фигуры, символизирующие пластическое искусство. Обе группы связаны двумя архитектурными мотивами с прикрепленными к ним театральными масками — трагической и комической.

По краю плафона расположены группы музыкантов-инструменталистов: в среднем отрезке композиции — народные певцы, дирижеры, композиторы. За этими первыми рядами, как бы террасами, поднимаются сценические оркестры, на которых расположены группы действующих лиц из наиболее популярных русских и национальных оперных спектаклей — «Ликовой дамы», «Абесаломы и Этеры», «Руслана и Людмила», «Плава Игоря», на балета «Лебединое озеро», национальные тапцовщицы. Средняя часть первой террасы украшена логотипом «Искусство, социалистическое по содержанию, национальное по форме». По бокам логотипа — группа из «Ивана Суварина» и красноармеец и колхозница.

Ц. ПЛОТКИН.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

Всероссийный комитет по делам искусств и Всесоюзный театральный общество заканчивают подготовку к изданию первого советского театрального ежегодника за 1939 год. В отличие от ежегодника, издаваемого прежде, он будет выходить один раз в год и состоять из двух томов объемом в 60 печатных листов. В нем найдут отражение жизнь всех советских театров.

Первый том «Театрального ежегодника» посвящается аналитическим и критическим обзорам театральной работы за год. В обзорах драматических театров Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других крупных городов будет сделан анализ репертуара, спектаклей, стиля, режиссерской и актерского мастерства. Здесь будут опубликованы статьи о постановках в 1939 году классических, советских опер, балетов. В обзорных статьях суммируются также итоги работы детских, колхозных, кукольных театров и найдут отражение деятельности театральных художников центральных театров и периферии.

Во втором томе «Театрального ежегодника» собраны факты и материалы о жизни советских театров. Здесь впервые будет опубликован список всех театров Союза с перечислением репертуара. Репертуарные таблицы дадут представление о том, в каких театрах и сколько раз шла за год каждая пьеса. Второй том ежегодника закончится аннотированным списком литературы по вопросам театра, изданной в стране за 1939 год.

Оба тома «Театрального ежегодника» будут содержать 60 иллюстраций.

В составе редколлегии «Театрального ежегодника»: А. Солодовников (председатель), Ю. Калашников (ученый секретарь), Ю. Ивановский, И. Алтыман, П. Новичкин, В. Владыченко, Г. Голя.

Три чистильщика и три носильщика

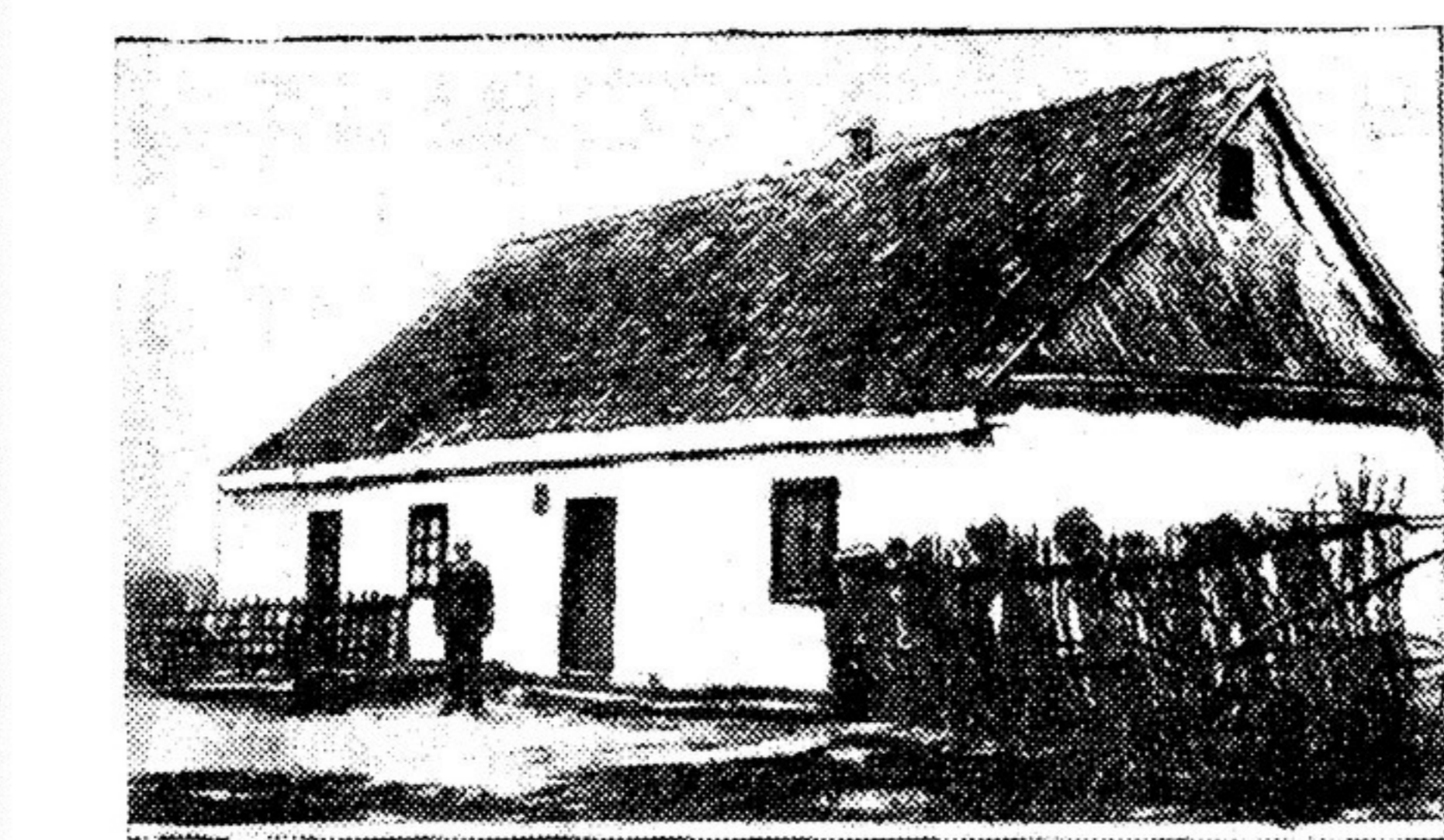
Издательство «Искусство» выпускает, как известно, пьесы, в том числе и переводные. Так, некоторое время назад в книжных магазинах и в кабинетах театральных завлотов появились маленькая книжечка с маркой издательства. Это была пьеса американского драматурга Пауля Питерса. На титульном листе скромно значилась фамилия переводчицы Н. Крымовой. А насколько же — приписка: «Переводчица Н. Крымовой и Н. Петришвили».

Всякая так называемая переработка, особенно иностранных авторов, у скептически-завлотов всегда вызывает настороженность. На этот раз, однако, все сложилось благополучно. Переработка, так переработка... И лишь через два года какой-то досужий читатель вдруг нашел в изданной пьесе странное совпадение с другим изданием другого автора.

У переработанного Пауля Питерса (подчеркиваем — переработанного) один из персонажей, Доктор, говорит: «Друг мой! (отправляет пот и поправляет пенсне) Сенска сказал: «Будем наслаждаться тем, что имеем». Наслаждайтесь же запахом гутталина и не завидуйте мне». В малоизвестном произведении под названием «Назад в пещеры» действующее лицо, Носильщик, тоже в точь провозносит: «Друг мой, Сенска сказал: «Будем наслаждаться тем, что имеем, не владеясь в сравнении». Наслаждайтесь запахом гутталина и не завидуйте мне».

По рассеянности или по другой какой причине Носильщик забыл вытереть лоб и поправить пенсне и, кроме того, углился афоризм Сенски.

В драматургическом этюде «Назад в пещеры» Носильщик говорит: «Знаете, что, бездарный биолог... вы — пошляк. Я вам

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВОРЧЕСТВО!»

В МУЗЕЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

«...Все наша жизнь есть борьба. Единственным моим счастьем является творчество...»

Побеждают только сильные духом! К чорту людей, не умеющих жить полезно, радостно и красиво! К чорту соплячих нитки!»

Еще раз да здравствует творчество!»

Так писал Николай Островский в письме к жене Ранце Порфирьевне за пять месяцев до смерти. Такой же неукротимой любовью к жизни, бодростью духа пропитаны и многие другие письма Островского к друзьям, его речи, его статьи. Именно такой образ Островского должен возникнуть в представлении людей, которые придут познакомиться с его жизнью и творчеством в музей, открываемый на улице Горького, 40. В этом доме жил последние месяцы и умер писатель.

Коротенькая автобиография, написанная в 1932 г., начинается так:

«Родился в 1904 году, в рабочей семье. По маме работать стал с двенадцати лет. Образование низшее».

Содержание этих трех фраз будет подробно раскрыто в материалах первого этажа музея. Посетители познакомиться с детством писателя, его окружением, условиями, в которых он жил первые тринадцать лет.

«Участвовал в гражданской войне», — сказано закономерно в автобиографии. Этому периоду посвящены два следующих этажа первого зала музея, между которыми скульптура работы В. Фомина покажет Николая Островского — бойца дивизии Котовского.

Николай Островский на трудовом фронте. Период 1921—1925 гг., руководящая работа в комсомоле, вступление в партию — таковы материалы четвертого этажа.

Последующие годы. Начало и развитие болезни, и как бы перепорочил, усиленная работа над собой — заочная учеба в коммунистическом вузе. К этому периоду относится начало литературной биографии Николая Островского — первая литературная проба — повесть о Котовском, рукопись которой, как известно, утеряна, и первая часть книги «Как закалялась сталь».

На большом столе в центре комнаты показан процесс работы Островского над романом «Как закалялась сталь». Книжки, которые он читал в этот период, первые черновики, написанные рукой Островского до того, как он стал диктовать свои сочинения, трактаты, при помощи которого он мог писать, надушенные строки и первое завершение его героических трудов — «Как закалялась сталь», изданная в 1932 году в «Молодой гвардии».

Жизни книги — тема второго зала музея. Здесь собраны все русские и иностранные издания произведений «Как закалялась сталь», критика о нем, письма читателей книги, приспешен ее автору едва ли не самую быструю и широкую известность в советской литературе. Чкалов и Беляков

Жизни книги — тема второго зала музея. Здесь собраны все русские и иностранные издания произведений «Как закалялась сталь», критика о нем, письма читателей книги, приспешен ее автору едва ли не самую быструю и широкую известность в советской литературе. Чкалов и Беляков

Двенадцатилетний манасчи

Киргизский народ выдвинул много талантливых исполнителей своего национального героического эпоса «Манас». Такие выдающиеся поэты-сказители «Манаса», как Карабаев и Молдабаев, известные в самых отдаленных анлах необитаемой Киргизии.

Где талантливых «манасчи» обогатились за последние время еще одним новым сказителем — Керембаевым Турдубаем. Ему сейчас 12 лет. Родом он из

Тянь-Шаня Отец его славился как один из лучших сказителей «Манаса». Турдубай от отца выучил назубок несколько десятков тысяч стихотворных строк эпоса. С этим огромным кладом он недавно выехал на республиканские олимпиаду детского творчества. Исключительным успехом сопровождалось каждое выступление на олимпиаде самого молодого киргизского сказителя.

У Крымовой и Петришвили их герой выражается несколько замысловато: «Вы же не наслаждаетесь, а отсутствие страданий». Гуталинный пошляк! И только — носильщик».

Авторы «переработки» Крымова и Петришвили заставляют Доктора произносить те же слова, чуть-чуть изменив начало и конец: «Слушайте вы, бездарный биолог! Вы... пошляк! Аристотель сказал...» и т. д. В конце пошляк персонаж восклицает: «Я — честный носильщик, господин гуталинный пошляк».

Странные вещи происходят с чистильщиками. Помимо того, что они оба — биолог, по безработице заявившиеся чистильщиками, они говорят буквально в унисон. Вот как выражается чистильщик № 1 в пьесе «Назад в пещеры», развлекая клиента: «В настоящее время теоретическая часть биологии состоит из некоторых, весьма старых положений об организмах, которыми мы обязаны еще Аристотелю, Копернику и Гарвею... Резиновую набопку на каблук не прикажете?... Да несколько великих принципов, установленных Лаврином, Майером, Клод-Бернаром и Менделеем — и все!»

Копируя своего коллегу, чистильщик без помера, по названию Крымовой и Петришвили, начиная хулою, как жердь, старому джентльмену салопи, читает ту же лекцию: «В настоящее время теоретическая часть биологии...» Так как текст полностью совпадает, продолжат не будем — далее следует тот же Аристотель, те же Коперник и Гарвей. Вот только Клод-Бернар превратился в Клод Вернер. Бетати, и в том и в другом случае знаменитого физиолога назвали по-своему.

Чистильщики не только читают под копирку лекции, но и задают один и те же вопросы собеседникам. Чистильщик № 1 из «Назад в пещеры» увидев Доктора, восклицает: «Вы же не наслаждаетесь, а отсутствие страданий?»

«Доктор Энгельс! Что с вами? Вы разбогатели? Вы утопаете в корзинах яств и в погу. Я вам завидую».

Что персонажи из «Назад в пещеры» и «Этландии» выражают одинаково, можно еще понять. Проглашения эти папиасы одним автором — Эриком Ингоборг. Но почему же люди оступились на «Дороге в Соусес» и там заговорили вновь, покрыто пока, как говорят, мраком неизвестности.

Для сведения товарищей из издательства «Искусство» сообщаем даты выхода этих трех книжек.

«Четвертая симфония» Э. Ингоборга, где напечатана пьеса «Назад в пещеры», издана ГИИХ в 1934 году.

«Этландия» того же Э. Ингоборга Гослитиздат выпустил в 1935 году. И, наконец, пьеса Пауля Питерса в оригинальной во всех смыслах переработке Н. Крымовой и Н. Петришвили напечатана в издательстве «Искусство».

Может быть, теперь издательство «Искусство» скажет, что оно напечатало: Пауля Питерса, Крымово и Петришвили или Эрика Ингоборга?

В. ФОМЕНКО

СОБРАНИЕ САРАТОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

САРАТОВ. (От наш. корр.). На последнем собрании саратовских писателей обсуждалось творчество Ал. Матвеево, повесть которого «Наступление» только что вышла из печати в Саратовском областном издательстве.

С докладом о творчестве Матвеево выступил тов. Гребенников.

А. Матвеево начал писать в 1932 году. За это время он издал 5 книг, опубликовал несколько рассказов и очерков в периодической печати. Докладчик подробно остановился на двух последних произведениях автора: «Солнце птицы» и «Наступление».

Первая повесть является творческим достижением автора. Она читается легко и с интересом, волнует. Однако конец повести вызывает досаду. Он написан сухо, на уровне обычного газетного очерка.

Повесть «Наступление» — это скорее хороший развернутый очерк, рисующий один из эпизодов деятельности С. М. Кирова на астраханском фронте. Автору удалось просто, любовно и с большой убедительностью показать образ Сергея Мироновича Кирова. Другие образы повести даны несколько слабее, не развернуты.

Нельзя не отметить автора, работая в области детской литературы. Его небольшая книжка «Стрекоза хвостыня», изданная в 1939 году, пользуется популярностью у ребят.

Докладчик рекомендовал собранию принять тов. Матвеево в члены ССП.

Выступившие в прения писатели тт. Зеленой, Абрамович, Неволов и редактор Облгазета т. Котов отмечали творческий рост т. Матвеево и дали хорошую оценку его последним произведениям.

Собрание постановило принять тов. Матвеево в члены ССП и просить президиум ССП об утверждении.

Издательство «Советский писатель» выпустило в большой серии «Библиотека поэта» полное собрание стихотворений А. Н. Радищева. Во вступительной статье, содержащей биографические сведения о писателе и обзор его творчества, Г. Усковский подробно останавливается на поэтическом наследии Радищева.

«Пришла столь большое значение прозе Радищева, — пишет Гуконский, — мы не должны обойти вниманием и его поэтическое наследие, так же глубоко значительное и в идейном и в неперодическом художественном плане. Пушкин писал о Радищеве: «Общие Радищев писал лучшие стихи, а в поэме «Волны» Радищев писал стихи всю жизнь, занимаясь поведением с любовью, но разрозненным поэзией. Он был превосходно знаком со всеми современными ему течениями западного поэтического искусства.»

Книга открывается одой «Вольность», о которой Екатерина писала, что «ода совершенно и явно бунтовская, где царям грозит плахом», а автора ее почитала бунтовщиком «хуже Пугачева».

Неоконченная поэма «Творение мира», логичному, относящаяся к восьмидесятым годам XVIII века, впервые была напечатана в 1922 году В. П. Семеновичем в журнале «Былое».

Поэма «Волны», в основу которой положены мотивы из распространения в XVIII веке романа-сказки о Бове-королевиче, была написана Радищевым после его возвращения из Сибирии.

На русском языке опубликованы в книге печатания также «Песни, петле на состязаниях» и «Песнь историческая».

В книге — одиннадцать мелких стихотворений, большинство которых было впервые напечатано в 1807 году в первом томе собрания сочинений Радищева. Здесь читатель найдет стихотворения: «Опятафия», написанное, как полагают, на смерть жены поэта А. В. Рубановой, «Османское столетие», «Софические строфы», «Идиллия», «Песня», баллада «Журавль», «Ода к другу моему», «Молитва» и три стихотворения без названия. Среди них интересно короткое стихотворение, относящееся ко времени пребывания Радищева в Тобольске, на пути в ссылку. В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек! Дорогу продолжит, где не бывало следу. Для борных смельчаков и в прозе, и в стихах, и в прозе, и в стихах, Чувствительным сердцам и истине Восторженно, на пути в ссылку, В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек! Дорогу продолжит, где не бывало следу. Для борных смельчаков и в прозе, и в стихах, и в прозе, и в стихах, Чувствительным сердцам и истине Восторженно, на пути в ссылку, В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

«Собрание саратовских писателей обсуждалось творчество Ал. Матвеево, повесть которого «Наступление» только что вышла из печати в Саратовском областном издательстве.

С докладом о творчестве Матвеево выступил тов. Гребенников.

А. Матвеево начал писать в 1932 году. За это время он издал 5 книг, опубликовал несколько рассказов и очерков в периодической печати. Докладчик подробно остановился на двух последних произведениях автора: «Солнце птицы» и «Наступление».

Первая повесть является творческим достижением автора. Она читается легко и с интересом, волнует. Однако конец повести вызывает досаду. Он написан сухо, на уровне обычного газетного очерка.

Повесть «Наступление» — это скорее хороший развернутый очерк, рисующий один из эпизодов деятельности С. М. Кирова на астраханском фронте. Автору удалось просто, любовно и с большой убедительностью показать образ Сергея Мироновича Кирова. Другие образы повести даны несколько слабее, не развернуты.

Нельзя не отметить автора, работая в области детской литературы. Его небольшая книжка «Стрекоза хвостыня», изданная в 1939 году, пользуется популярностью у ребят.

Докладчик рекомендовал собранию принять тов. Матвеево в члены ССП.

Выступившие в прения писатели тт. Зеленой, Абрамович, Неволов и редактор Облгазета т. Котов отмечали творческий рост т. Матвеево и дали хорошую оценку его последним произведениям.

Собрание постановило принять тов. Матвеево в члены ССП и просить президиум ССП об утверждении.

Издательство «Советский писатель» выпустило в большой серии «Библиотека поэта» полное собрание стихотворений А. Н. Радищева. Во вступительной статье, содержащей биографические сведения о писателе и обзор его творчества, Г. Усковский подробно останавливается на поэтическом наследии Радищева.

«Пришла столь большое значение прозе Радищева, — пишет Гуконский, — мы не должны обойти вниманием и его поэтическое наследие, так же глубоко значительное и в идейном и в неперодическом художественном плане. Пушкин писал о Радищеве: «Общие Радищев писал лучшие стихи, а в поэме «Волны» Радищев писал стихи всю жизнь, занимаясь поведением с любовью, но разрозненным поэзией. Он был превосходно знаком со всеми современными ему течениями западного поэтического искусства.»

Книга открывается одой «Вольность», о которой Екатерина писала, что «ода совершенно и явно бунтовская, где царям грозит плахом», а автора ее почитала бунтовщиком «хуже Пугачева».

Неоконченная поэма «Творение мира», логичному, относящаяся к восьмидесятым годам XVIII века, впервые была напечатана в 1922 году В. П. Семеновичем в журнале «Былое».

Поэма «Волны», в основу которой положены мотивы из распространения в XVIII веке романа-сказки о Бове-королевиче, была написана Радищевым после его возвращения из Сибирии.

На русском языке опубликованы в книге печатания также «Песни, петле на состязаниях» и «Песнь историческая».

В книге — одиннадцать мелких стихотворений, большинство которых было впервые напечатано в 1807 году в первом томе собрания сочинений Радищева. Здесь читатель найдет стихотворения: «Опятафия», написанное, как полагают, на смерть жены поэта А. В. Рубановой, «Османское столетие», «Софические строфы», «Идиллия», «Песня», баллада «Журавль», «Ода к другу моему», «Молитва» и три стихотворения без названия. Среди них интересно короткое стихотворение, относящееся ко времени пребывания Радищева в Тобольске, на пути в ссылку. В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек! Дорогу продолжит, где не бывало следу. Для борных смельчаков и в прозе, и в стихах, и в прозе, и в стихах, Чувствительным сердцам и истине Восторженно, на пути в ссылку, В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

Очередной выпуск «Библиотеки поэта»

Издательство «Советский писатель» выпустило в большой серии «Библиотека поэта» полное собрание стихотворений А. Н. Радищева. Во вступительной статье, содержащей биографические сведения о писателе и обзор его творчества, Г. Усковский подробно останавливается на поэтическом наследии Радищева.

«Пришла столь большое значение прозе Радищева, — пишет Гуконский, — мы не должны обойти вниманием и его поэтическое наследие, так же глубоко значительное и в идейном и в неперодическом художественном плане. Пушкин писал о Радищеве: «Общие Радищев писал лучшие стихи, а в поэме «Волны» Радищев писал стихи всю жизнь, занимаясь поведением с любовью, но разрозненным поэзией. Он был превосходно знаком со всеми современными ему течениями западного поэтического искусства.»

Книга открывается одой «Вольность», о которой Екатерина писала, что «ода совершенно и явно бунтовская, где царям грозит плахом», а автора ее почитала бунтовщиком «хуже Пугачева».

Неоконченная поэма «Творение мира», логичному, относящаяся к восьмидесятым годам XVIII века, впервые была напечатана в 1922 году В. П. Семеновичем в журнале «Былое».

Поэма «Волны», в основу которой положены мотивы из распространения в XVIII веке романа-сказки о Бове-королевиче, была написана Радищевым после его возвращения из Сибирии.

На русском языке опубликованы в книге печатания также «Песни, петле на состязаниях» и «Песнь историческая».

В книге — одиннадцать мелких стихотворений, большинство которых было впервые напечатано в 1807 году в первом томе собрания сочинений Радищева. Здесь читатель найдет стихотворения: «Опятафия», написанное, как полагают, на смерть жены поэта А. В. Рубановой, «Османское столетие», «Софические строфы», «Идиллия», «Песня», баллада «Журавль», «Ода к другу моему», «Молитва» и три стихотворения без названия. Среди них интересно короткое стихотворение, относящееся ко времени пребывания Радищева в Тобольске, на пути в ссылку. В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб, но человек! Дорогу продолжит, где не бывало следу. Для борных смельчаков и в прозе, и в стихах, и в прозе, и в стихах, Чувствительным сердцам и истине Восторженно, на пути в ссылку, В списке, найденном П. А. Ефремовым в старинном собрании 1792 г., стихотворение было озаглавлено «Ответ Г-на Радищева во время проезда его через Тобольск любящему-восторженному утлах о нем».

По следам наших материалов

«КОММЕРСАНТЫ В МУЗЕЕ»

В № 35 «Литературной газеты» от 26 июня была помещена статья «Коммерсанты в музее», в которой писалось о тяжелом состоянии Абрамцевского музея, находящегося в ведении дома отдыха ЦК союза работников начальной и средней школы центра.

Как сообщает Управление по делам искусств при Советском РСФСР и музейно-драматический отдел Наркомпроса РСФСР, решением межведомственного научно-экспертного совета уездья Абрамцево принята на централизованный учет и охрану.

Для упорядочения дела охраны и пользования уездья создана специальная комиссия.

Администрация дома отдыха даны указания о сохранении экспонатов, а также запрещено пользоваться помещением музея для жилья.

Б БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА ВЫХОДИТ НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

«БАБЫ»

АВТОР СЦЕНАРИЯ — М. СМЕРГОВА
РЕЖИССЕР — В. БАТАЛОВ
ОПЕРАТОР — А. ГАЛЬПЕРИН
ХУДОЖНИКИ — И. ШПИГЕЛЬ, Н. СОЛОВЬЕВ
КОМПОЗИТОР — Л. ШВАРЦ

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: Варвара Кладова — нар. арт. СССР орденосеца А. ТАРАСОВА
Светлана Кладова — арт. орденосеца А. АБРИКОСОВ
Ольга Засл. арт. респ. В. ПЕСАР
Скайя — Казанок — арт. МХАТ В. БАТАЛОВ
Духов — засл. арт. респ. В. НОВИКОВ

Производство Московской ордена ЛЕНИНА киностудии «МОСФИЛЬМ»

СМОТРИТЕ НОВЫЙ ФИЛЬМ «БАБЫ»

Учеба писателей в марксистско-ленинском университете

В истекшем учебном году группа писателей — коммунистов и беспартийных обучалась в Московском вечернем марксистско-ленинском университете. В. Арушенико, В. Аверьянов, М. Вахметьева, С. Злобин, В. Зорич, Н. Липко, А. Палея, В. Панов, И. Сельвинский, Н. Четунцова, К. Яновский слушали лекции на первом курсе. Кроме того, ряд товарищей занимался в семинарах.

Изучение марксистско-ленинской теории очень много нам дало. Не секрет, что общее образование многих писателей, в том числе политическое и философское, оставляет желать очень и очень многого. Учеба в марксистско-ленинском университете помогает нам в политическом самообразовании. Лично я, например, работая над докладами в семинаре, получил некоторое представление об основах современной физики, о сущности коренных разногласий между материализмом и идеализмом, об основных течениях последнего, об истории развития философских взглядов, об основах диалектического и исторического материализма, об истории коммунистической партии. Теперь мне странно, как я мог до сих пор обходиться даже без тех элементарных знаний, которые я пока успел получить. Думаю, что и другие товарищи разделяют это чувство.

Конечно, такие работы, как «Краткий курс истории ВКП(б)», «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, труды товарища Сталина, «Диалектика природы» Энгельса и т. д., — словом, основные произведения основоположников и класси-

ков марксизма, а также работы Гегеля, Фейербаха, Канта и других философов каждый из нас может читать самостоятельно, как любые научные книги. Но занятия в семинарах незаменимы в том отношении, что, работая над избранной темой, усваиваешь материал гораздо глубже, привлекаешь ряд новых произведений, а главное — причаешься систематизировать материал.

Хочется, чтобы с нового учебного года число писателей, занимающихся в вечернем марксистско-ленинском университете, было значительно больше. В том, что нас было так мало, есть доля вины партийного бюро организации союза писателей. Оно мало сделало для вовлечения писателей в университет. Парторг ограничился рассылкой членам союза писателей перед началом учебного года проспекта марксистско-ленинского университета. К этому проспекту не было приложено никакого письма, и не все догадались, что присылка его означает предложение со стороны партбюро содействовать поступлению в университет. К началу нового учебного года необходимо исправить эту ошибку. Парторг должен проявить больше активности в вовлечении писателей в учебу, и тогда нас будет в университете значительно больше.

А. ПАЛЕЯ

НОВЫЕ КНИГИ

Избранные произведения Андре Шеньев

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило книгу «Избранных произведений» выдающегося французского поэта Андре Шеньев.

В книге три раздела: «Идиллия», «Элегии» и «Поэмы и оды». В последнем разделе помещены отрывки из неоконченной поэмы «Гермес», из поэмы «Творчество», из оды «Игра в мяч» и «Имя справедливости».

Произведения даны в переводах А. С. Пушкина, А. К. Толстого, А. Майкова, Е. Баратынского, Ф. Рождественского, Л. Успенского, А. Фета, С. Хмельницкого, И. Козлова, В. Рымского-Корсакова, В. Бинка и Л. Остроумова.

Книге предпослано предисловие В. Блюменфельда «Андре Шеньев».

Стихотворения Г. Табидзе

В Государственном издательстве «Художественная литература» вышла книга «Избранных стихотворений» народного поэта Грузии Галактиона Табидзе.

Стихи, включенные в книгу, разбиты на три больших отдела: стихи дореволюционного периода (1905—1916), стихи первых лет революции (1917—1929) и новые стихи (1930—1937).

В переводах принимали участие В. Джарвиши, В. Звягинцева, К. Липсеров, Н. Тихонов, В. Гаприндашвили, П. Антокольский, Арс. Тарковский, С. Спасский, Б. Бинк и другие.

А. Церетели на украинском языке

В переводе М. Рыльского, П. Тычины, М. Бажана и других поэтов на Украине вышел сборник избранных произведений классика грузинской литературы Акакия Церетели. Кроме стихотворений, в книге помещены стихотворная повесть «Нателла», историческая повесть «Бапи-Ачук» и поэма «Торние Эристави».

«Рассказы» Б. Житкова

В Детиздате ЦК ВЛКСМ вышла книга рассказов Бориса Житкова. В трех больших разделах книги — «Рассказы о животных», «Морские истории», «Рассказы о людях» — помещено 27 произведений Житкова. Издание снабжено большой вступительной статьей Левая Волье «О писателе Борисе Житкове», освещающей жизненный и творческий путь писателя.

Книга вышла с портретом Б. Житкова и иллюстрирована рисунками художника Б. Винокурова.

«Цитадель» А. Кронина

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило роман «Цитадель» современного английского писателя А. Кронина, автора известных советскому читателю романов «Замок Бродли» и «Звезды смотрят вниз».

Роман вышел в переводе М. Е. Абкиной о рисунках Ю. Петрова.

Книге предпослано предисловие О. Немцевской.

МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ ГОСЛИТИЗДАТА

Гослитиздат выпускает в массовой серии сборник рассказов С. Диковского «Командант птичьего острова», «Подпасок» П. Замойского, одноименный избранных произведений Н. Огнева, включающий отрывки из повести «Дневник Кости Рябцева» и рассказы писателя.

В ближайшем выпуске «Роман-газеты» печатается повесть Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия».

РЕДАКЦИОНАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ МАТЕРИАЛОВ

«КОММЕРСАНТЫ В МУЗЕЕ»

В № 35 «Литературной газеты» от 26 июня была помещена статья «Коммерсанты в музее», в которой писалось о тяжелом состоянии Абрамцевского музея, находящегося в ведении дома отдыха ЦК союза работников начальной и средней школы центра.

Как сообщает Управление по делам искусств при Советском РСФСР и музейно-драматический отдел Наркомпроса РСФСР, решением межведомственного научно-экспертного совета уездья Абрамцево принята на централизованный учет и охрану.

Для упорядочения дела охраны и пользования уездья создана специальная комиссия.

Администрация дома отдыха даны указания о сохранении экспонатов, а также запрещено пользоваться помещением музея для жилья.

Б БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА ВЫХОДИТ НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

«БАБЫ»

АВТОР СЦЕНАРИЯ — М. СМЕРГОВА
РЕЖИССЕР — В. БАТАЛОВ
ОПЕРАТОР — А. ГАЛЬПЕРИН
ХУДОЖНИКИ — И. ШПИГЕЛЬ, Н. СОЛОВЬЕВ
КОМПОЗИТОР — Л. ШВАРЦ

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: Варвара Кладова — нар. арт. СССР орденосеца А. ТАРАСОВА
Светлана Кладова — арт. орденосеца А. АБРИКОСОВ
Ольга Засл. арт. респ. В. ПЕСАР
Скайя — Казанок — арт. МХАТ В. БАТАЛОВ
Духов — засл. арт. респ. В. НОВИКОВ

Производство Московской ордена ЛЕНИНА киностудии «МОСФИЛЬМ»

СМОТРИТЕ НОВЫЙ ФИЛЬМ «БАБЫ»